ОТ СИНИЧКИ ДО СОЛОВЬЯ

Ловля синиц. Почти каждый птицелов начинал свой путь с пойманной синички. Действительно, осенью или зимой большую синицу поймать нетрудно. Для этого не требуется хитрых приспособлений, за ней не надо ехать далеко в лес, она может попасться на простую и доступную приманку. И, пожалуй, главное — большие синицы становятся самыми заметными птицами в это время. Когда людей охватывает грусть о прошедшем лете и улетевших птицах, синицы сами приходят к ним. Они появляются около дома, тут, под боком, во дворе, в саду, парке, на улицах городов. Даже в заводском поселке, среди дыма, грохота, железа и гари, осенью и зимой обитают эти птицы, был бы лишь корм, которым можно поживиться. Да и находят пищу они почти всегда первыми. Только выплеснули ведро грязной воды или высыпали мусор — синицы уже старательно осматривают его в поисках съестного. Способность быстро, тщательно и умело обследовать все новое помогает им обнаружить и за короткий срок освоить прикормки, которые устраивают для птиц осенью и зимой люди. На таких прикормках легче всего и ловить синиц.

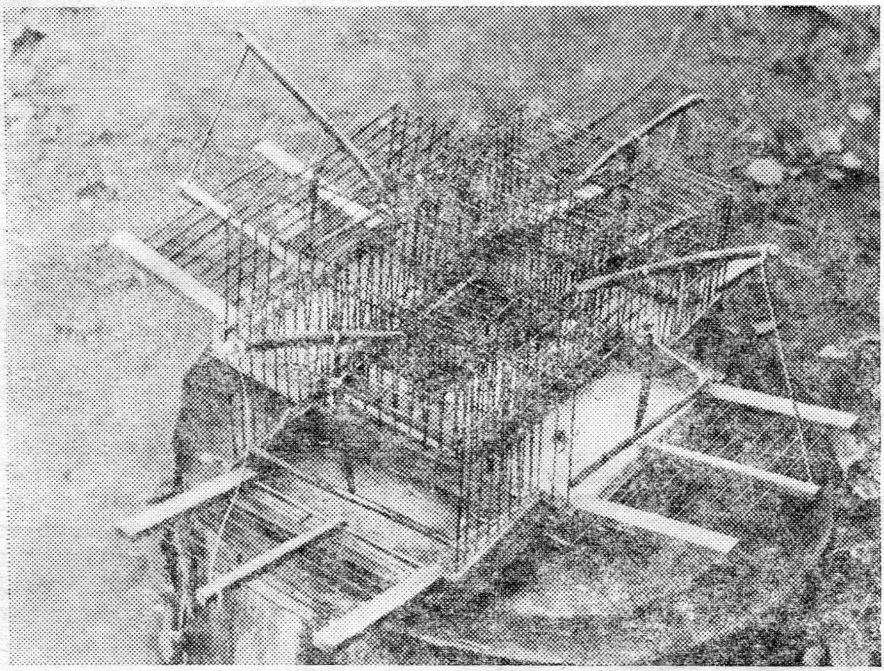
Поймать большую синицу можно любой ловушкой: западней, бойком, лучком, вершей, а если их нет, то и просто клеточкой, дверца которой захлопывается, когда дергают за нитку. С такой, с позволения сказать, ловушки начинают ловлю птиц многие мальчишки.

Когда поймана первая синица и приучена к жизни в неволе, ее можно использовать в качестве манной. Ловля «на ходу» с манной — один из увлекательнейших видов ловли в октябре-ноябре. Именно в период предзимья у больших синиц идет перераспределение по территории, и они занимают участки обитания, где смогут найти пищу зимой. Синицы становятся драчливыми и легко ловятся «на драку». Поэтому ловля в такую пору года может быть очень результативной. В некоторые из осенних дней нам удавалось кольцевать до пятидесяти-семидесяти синиц.

В качестве подсадной для осенней ловли лучше выбрать самку мелких размеров, которая хорошо кричит и подзывает птиц к себе, но не принимает поз угрозы и при подлете вольных синиц к бойкам не отпугивает их своим видом. При работе ее следует поместить в клеточку-барашек, на которую по сторонам можно навесить два, три или четыре бойка. Такое сооружение легко носить на веревке, а бойки сразу же по приезде на место лова надо насторожить.

Идешь по лесу или парку и, как только услышишь крики синиц, ставишь свой ловчий агрегат на пенек или вешаешь на сучок, а иногда и просто опускаешь на землю. Подсадная птица тут же начинает «работать». Вот подлетела первая синица. Полураскрыв крылья и приспустив их вниз, расправив слегка подогнутый хвост, она демонстрирует свои права и силу и бросается на незваного гостя. Хлоп — синица в бойке. Тут же подлетает вторая, за ней третья... Если ловушка из четырех бойков, то иногда за полминуты удается поймать до четы-

рех птиц. Быстро, без резких движений подходишь к ловчему агрегату и вынимаешь попавшихся синиц, рассаживая их в разные клеточки, иначе они будут драться между собой и так кричать, что ловля в этом месте будет испорчена. Настораживаешь ловушки заново. Когда вокруг есть еще синицы и ловля продолжается, то пойманных птиц пока кольцевать и выпускать не следует. Оказавшись на воле, они могут начать беспокоиться — «давать тревогу», и вся ловля будет ис-



132. «Барашек» с четырьмя бойками эффективен для осенней и зимней ловли синиц «на ходу».
(Фото О. Смирнова).

порчена. Если же синиц больше нет и надо пойти на другое место, их кольцуешь и выпускаешь.

Таким же способом можно ловить и других синиц — лазоревок, московок. Пухляки и гренадерки обычно боятся подсадной особи и, подлетев на ее крики, вертятся вокруг бойков, но в них не влезают. Их проще ловить на прикормках без подсадных.

В зимнее время, да и весной, ловля синиц бойком проходит менее успешно. Прежде всего с наступлением морозов ее нельзя рекомендовать из-за опасности того, что попавшаяся синица, пытаясь выбраться из ловушки, может приморозить глаза к прутьям. Кроме того, сами

синицы становятся менее агрессивными и не так активно атакуют подсадную особь. С приходом же весны появляются и другие интересные виды птиц, которых с нетерпением ждешь всю зиму и которые привлекают к себе внимание птицелова. До синиц ли тут!

За чижами. Ловля синиц хотя и увлекательна, но все же «птицелов», который ничего кроме синиц не ловил, особого уважения не заслуживает. Другое дело — ловля чижей. Тут уже требуется мастерство. Это и выбор места, мимо которого будет больше всего лететь птиц, и устройство тока, в который чижи будут охотно «скидываться», и раздумья, на что ловить при первом морозце или ранней оттепели, и, конечно же, главное — умелый выбор подсадных. Все зависит от них. Поэтому к поездке готовишься заранее. От предыдущей ловли оставил чижиков, рассадив их по одному в клеточки, несколько дней изучаешь, кто из них как работает: хорошо ли кричит, «сажает» с песней или без нее, не «чекрыжит» ли, не бьется ли в клетке. За несколько дней до ловли надеваешь одной чижовке хомутик, чтобы она привыкла к нему и спокойно вела себя на шпорке, а еще трех-четырех приучаешь жить привязанными за концы крыльев на нитках.

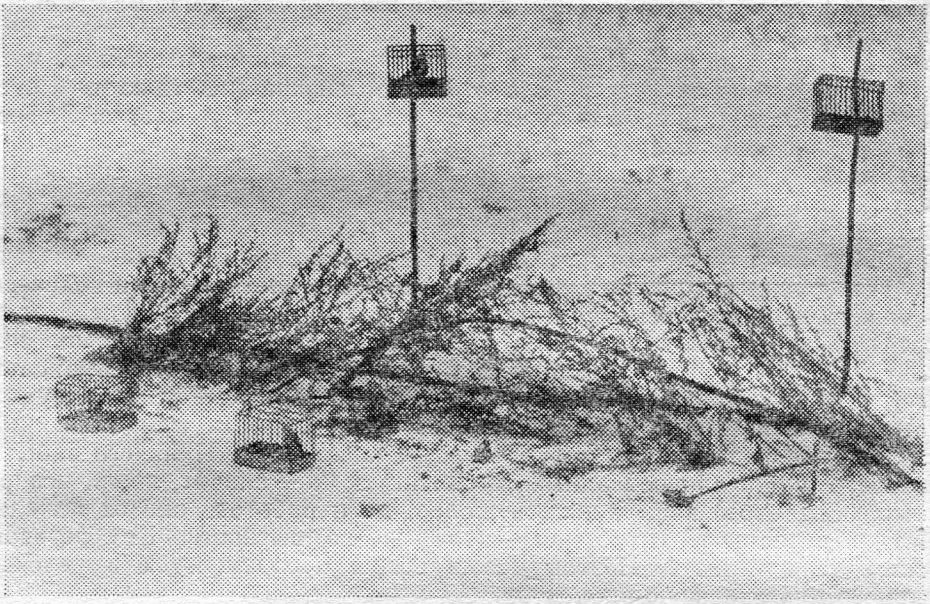
Сборы в дорогу — это тоже целое дело. Подготавливаешь клеточки с подсадными чижами. Рассаживаешь по клеткам птиц-подвязей и чижовку в хомутике; складываешь в рюкзак пролетку или переноску под новых чижей, корм в ток, корм своим птицам, противень под воду, лопатку, топорик, тайник, веревки, нитки, блокнот, карандаш, все, что надо для кольцевания, бинокль... А в руках — сошки и сумка с подсадными, чтобы их на плечах не растрясти. Да еще на всякий случай (вдруг полетят) манные снегирь, клест, щур. И ничего забыть нельзя. Поилки для подсадных оставлены дома — значит, ловля испорчена. И птиц без воды держать жалко, да и работать они от жажды быстро перестают. Ножа нет — колышки не вырезать. Без веревок сошки не привязать. Поэтому сами сборы превращаются в увлекательную многодневную процедуру.

Если едешь ловить на новое место, где нет готового тока, первый день ловля все равно не получится. Как бы рано ни приехал, пока место выбираешь, тайник устанавливаешь, подсадных птиц устраиваешь, полдня пройдет. А после полудня ловить и смысла нет: птицы почти не летят. Да обычно день-другой и присмотреться надо, чтобы понять, где тайник лучше ставить, как сам ток оборудовать. Ведь чижи-то неодинаковы.

Хорошо разместить и оборудовать ток под чижей — это, пожалуй, больше искусство, чем ремесло. Конечно, пять-десять птиц можно поймать на любом току. Но поставить тайник так, чтобы чижи стая за стаей «кидались» в ток, сидели там долго и кормились, не поднимая головы, под силу лишь опытному и наблюдательному птицелову. А главное — их отношение к одному и тому же току меняется день ото дня. В чем причина? Ее не всегда удается установить сразу. То семена примерзли, то лужа рядом оттаяла, то соседняя ольха на

ветру семян насыпала, то крапива обледенела. И таких причин бесконечное множество.

Чижей лучше всего ловить на осеннем и весеннем пролете. В это время они теряют связь с хвойным лесом, где гнездятся, и появляются везде. Кроме того, пролетные чижи охотнее слетают в ток, собираются в нем целыми стаями, быстро берутся за корм в клетках. Зимняя ловля несколько сложнее, да к тому же установить тайник на снегу, выстоять на морозе у него три-четыре часа без привычки бывает трудно. Летом интересно ловить токующих самцов («ярчиков») на



133. Осенняя ловля чижей на току чрезвычайно увлекательна.
(Фото Г. Носкова).

подсадную самку. Уж очень красиво они подлетают с песней, токуют перед ней. Но всех пойманных птиц надо сразу же после кольцевания выпускать, у некоторых из них самки сидят на кладках и можно разбить пару. Так что, повторяем, лучше всего ловить чижей осенью и весной. И тогда их шумливые стаи, суетящиеся в кронах при первых осенних заморозках и вдруг устремляющиеся в ток, и удачный рывок тайника останутся в памяти на долгие годы, а может быть, на всю жизнь.

Соловей. Соловей — птица опытных любителей. Пытаться держать ее в неволе следует уже после того, как в совершенстве овладеешь

навыками содержания и, главное, навыками приучения к корму таких птиц, как чиж, щегол, снегирь, чечетка, большая синица. Когда ловить соловья? Конечно же, весной! Весна и соловей неразделимы. И если хотите поймать настоящего соловья, ловить его нужно в первые дни после прилета.

Почему же все-таки весной и сразу после прилета? Потому, что соловей ценится песней. А в это время можно «выслушать» и выбрать ту особь, которая действительно хорошо поет. Уже в июне соловьи перестают петь, а стало быть, осенью не отобрать соловья по песне.

134. Соловей.
(Фото В. Храброго).

У соловьев самцы и самки не различаются по цвету оперения, и отловленная птица может оказаться самкой, которая не запоет к весне. Соловьи — скрытные птицы. Найти их в густых кустах можно только тогда, когда они поют и песней обнаруживают свое присутствие. Наконец, ловить сразу после прилета надо потому, что уже через неделю — дней через десять птицы начинают строить гнезда и поймать самца — значит разбить сложившуюся пару и разорить гнездо.

Для того чтобы поймать соловья, надо еще предыдущим летом найти места, где поют соловьи и в каких кустах они держатся. Здесь и ждите соловьев весной. Сроки их прилета очень постоянны. После

того как соловей «выслушан» и выбран по песне, можно приступать к его отлову. Проще всего соловья поймать паутинной сетью. Сеть ставится между двумя наиболее часто посещаемыми соловьем кустами, и за один-два часа он сам запутается в ней. Можно ловить соловья и лучком. Для этого под тем кустом, который служит излюбленным местом его пения, ставят лучок, а в качестве приманки вешают гирлянду из мучных червей. За час-другой соловей обычно попадается в лучок.

Можно ловить соловья и с подсадной самкой или на драку с самцом. В этом случае можно использовать клетку-хлопушку или лучок-самолов. С такой ловушкой подходят возможно ближе к поющему на дереве соловью и подставляют под него птицу в клетке. Можно привлечь к ней внимание, издавая призывный крик самки с помощью специальной свистульки. Услышав этот крик-призыв своей подруги, соловей камнем валится на землю, распускает рыжий хвост и, захлебываясь песней, бросается на клетку. Такой способ ловли соловьев, пожалуй, самый увлекательный.

Но поймать соловья — меньшая часть дела. Главное — приучить его к корму и не дать разбиться. Пойманную птицу следует сразу же посадить в кутейку или пролетку, которую плотно обтягивают тряпкой. Если птица и в этом случае продолжает упорно пытаться вылезти из клетки, ей надо связать крылья. К корму соловьев, как и других насекомоядных птиц, приучают, сначала давая мучных червей и постепенно заменяя их муравьиными коконами и смесью из рубленого куриного яйца и тертой моркови. Если птица взялась за корм и перестала биться в клетке, она быстро запевает. Петь в неволе соловей начинает уже на второй-третий день. Его первая песня всегда оказывается чем-то неожиданным и чуждым в стенах комнаты, хотя вы ее ждете с момента отлова. Чтобы птицу не беспокоить во время пения, клетку первоначально лучше накрыть белой тряпкой и поставить в такое место, где соловья меньше тревожат, иначе он будет обрывать пение после одного-двух колен. Полную песню в том виде, в котором вы ее слушали в природе перед ловлей, соловей начинает исполнять примерно через неделю жизни дома.

Сезон пения соловьев непродолжителен. Как в природе, так и в неволе они поют около двух месяцев. Птицы из северных частей ареала поют меньший срок, соловьи из более южных областей поют дольше. Поют соловьи в мае-июне, то есть в то время, когда в природе и так песен много. С точки зрения любителя это основной недостаток соловьев. Заставить бы их петь зимой, как чижа или щегла! Это можно сделать, зная закономерности регуляции сезонных явлений жизни птиц. При наших лабораторных экспериментах соловьи, да и многие другие насекомоядные птицы, запевали значительно раньше положенного им в природе времени.

Сроки наступления сезона половой активности, а стало быть, связанного с ним сезона пения регулируются длиной светового дня. Отпущенная природой продолжительность пения (2—3 месяца) не может быть увеличена, поскольку она является наследственным призна-

ком и закреплена в генотипе птицы так же, как сама способность петь. Но период пения может быть перенесен по срокам на более раннее время — на зиму — путем определенных манипуляций с продолжительностью дня.

Реагирует организм соловья на соотношение светлой и темной частей суток не весь год, а лишь в определенные сезоны: в пору осенней линьки и весной, когда в природе соловьи летят с зимовок на родину. В это время птицы как бы подстраиваются к внешним условиям окружающего их мира, и остальную часть лета они живут по той программе, которая закладывается в их организм в названные фоточувствительные периоды. Вот эти-то светочувствительные периоды жизни соловья можно использовать, чтобы заставить его жить по неправильной программе — программе, опережающей тот режим, который необходим при обитании в природе. На воле такая птица, конечно, погибла бы, но жизнь в клетке у нее будет протекать великолепно, и она запоет раньше срока на три-четыре месяца, то есть в январе—марте. Для этого необходимо применить следующий прием: летом, в июле-августе, когда птица начинает линять, ей надо постепенно сокращать длинный летний день и за месяц довести его продолжительность до 13—14 часов, накрывая «на ночь» птицу тряпкой. На таком режиме птица быстро перелиняет, накопит много жира, и ее организм «будет считать», что она уже улетела на зимовку. После окончания линьки соловью следует уже укоротить день до 11—10 часов и в этих условиях держать до начала января. В январе соловью надо постепенно удлинять день минут на 15—20 за сутки и довести его до 15—17 часов, и соловей обязательно запоет. Тогда всю вторую половину зимы вы сможете наслаждаться его пением под свист февральских вьюг. Месяца через два он кончит петь и залиняет. В этом случае необходимо опять сократить ему день до 13—14 часов, так как при длинном дне соловьи плохо линяют и часто гибнут.

Примерно так же, как соловья, можно ловить, содержать и заставлять петь в зимнее время некоторых других насекомоядных птиц: зарянку, варакушку, синехвостку, каменок, чеканов, горихвосток, коньков, крапивника, завирушек. Славки, камышевки, пеночки, мухоловки живут в неволе хуже. В декабре—марте они линяют на местах зимовок и очень плохо переносят смену оперения в неволе. Создать же необходимые световые условия бывает крайне трудно вследствие незнания районов зимовок особей из той или иной местности. Среди перечисленных птиц менее требовательны к световому режиму и корму черноголовая славка, пеночка-теньковка и мухоловка-пеструшка. Поэтому они чаще других благополучно переносят зимовку в неволе. Однако прежде чем ловить для содержания в неволе любую насекомоядную птицу, надо трезво оценить свои возможности и те заботы, которых она потребует. И только тогда решать, а стоит ли идти на все это.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ОБИТАТЕЛИ КЛЕТОК

Щур. Ни один птицелов, считающий себя настоящим натуралистом, знатоком ловли и содержания птиц, не останется равнодушным от встречи со щуром. Это, по-видимому, неудивительно, так как щур — птица не только красивая, но и немного загадочная. Многочислен щур на севере, а для большинства районов нашей страны это редкость, а редкость всегда желанна.

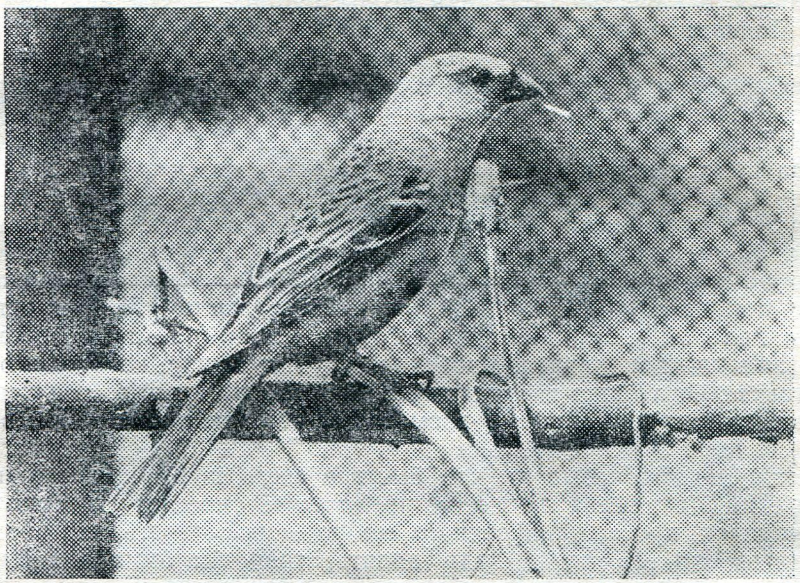
Щуры обитают на границе тайги и тундры. Питаются они почками, ягодами, цветами, семенами, молодыми побегами очень многих видов деревьев, кустарников и травянистых растений. Летом часто поедают насекомых и кормят ими своих птенцов. На зиму щуры продвигаются к югу, но обычно недалеко. Однако в зависимости от урожая рябины они меняют районы своих зимовок. При большом урожае ягод в северной тайге щуры могут остаться почти на местах размножения или лишь незначительно продвинуться к югу. Нет рябины на севере — щуры летят дальше, в подзоны смешанного леса или южной тайги. Отсюда первая загадка для птицеловов из центральных районов России: почему в одну осень они появляются во множестве, а в другую их нет? Вот и сложилось мнение, будто щуры мигрируют не всякий год. На самом-то деле щуры летят каждую осень, но в один сезон дальше и их тогда видят в центральных районах, а в другой сезон ближе и не долетают до средней полосы нашей страны.

Вторая загадка — питание щура. Как и большинство видов вьюрковых птиц, щуры могут использовать очень разнообразный набор кормов и в зависимости от наличия в природе той или иной пищи кормятся именно ею. Поздней осенью и зимой, когда щуры добираются до мест зимовок, набор вариантов пищи всегда ограничен. В год урожая рябины птицы кормятся исключительно ею и не обращают внимание ни на что другое. В год ее неурожая они могут поедать почки ивы или кормиться исключительно почками ели. В октябре в Якутии мы видели щуров, которые питались семенами ольхи. Интересно, что при неурожае рябины, когда щур целиком переключается на почки ивы или ели, он как бы разучивается есть ягоды рябины и, будучи пойманным, никак на них не реагирует. Такая смена вкусов в разные годы, естественно, производит большое впечатление на птицелова: в один год щуры «валятся» в ток на рябину, а в другой не обращают на нее внимания. Значит, при ловле щуров прежде всего надо понять, что они едят в данный сезон в природе, и начинать отлов именно на этот корм. Иначе все старания будут напрасными.

Поражают щуры и разнообразием своей окраски. Особенно ценятся малиновые щуры. Они действительно имеют оттенок переспевших ягод малины и очень красивы. По-видимому, это старые самцы. Кроме малиновых, но реже них попадаются «брусничные» щуры. Они бывают всех оттенков брусники, а иногда на одной птице встречаются разные переходы цвета — от яркого оранжево-красного на груди до тусклого серо-красноватого на боках и подхвостье, совсем как на разных сторонах недозревшей ягоды. Большинство молодых самцов и са-

мок имеет желтовато-красновато-сероватую окраску разных тонов. Однажды на берегу Финского залива удалось поймать щура совершенно неожиданного цвета. Его грудь была ярко-желтой, лимонной. Ни до, ни после этого случая таких щуров не приходилось не только ловить, но и видеть.

Существует удивительный контраст между внешностью щура и его голосом. Когда смотришь на эту относительно крупную, солидную птицу, кажется, что она должна издавать низкий и скрипучий крик. А тут, на тебе, такой поразительно чистый, переливчатый, мелодичный свист. Услышав первый раз призывные крики щуров в лесу, никак



135. Самые замечательные свойства щура — его солидность и невозмутимое спокойствие.

(Фото Г. Носкова).

не можешь понять, откуда они исходят и кто их издает. А песня щура! Это замечательная, излучающая свет, то тихая, то нарастающая флейтовая мелодия. Очевидно, именно за песню больше всего и любят щура.

И, наконец, характер птицы. Щуры могут быть необыкновенно доверчивыми, но могут быть и очень осторожными. Обычно они доверчивы в те сезоны, когда питаются ягодами рябины. Помнится, как в один год щуры буквально ошеломляли жителей Ленинграда своим поведением на улицах города. Тот год оказался очень урожайным на рябину. Ягод было много в лесу, на приусадебных участках в приго-

родах, в парках и садах самого города. Появившись в ноябре, щуры вместе со снегирями, свиристелями и дроздами к январю съели все ягоды в окрестных лесах и дачной местности, но, привыкнув к ним, не перешли на питание почками ив и ели, а стали кочевать в поисках ягод. Так они постепенно перебрались в город, где рябина была еще не тронута. На многих улицах, в садах и скверах Ленинграда можно было наблюдать крупных красивых птиц с расстояния в один-два метра. Прохожие удивлялись и любовались птицами, а некоторые даже звонили к нам на кафедру и в зоопарк и просили оказать помощь «заболевшим», по их мнению, птицам.

Щуров ловят на осеннем пролете тайником с подсадной птицей, используя в качестве приманки ягоды рябины, ветки ивы или лапки ели. Подсадная птица при этом должна хорошо «работать» как на большом расстоянии, чтобы осадить пролетающую стаю, так и на близком, чтобы привлечь птиц в ток. С плохим подсадным щуром не ловля, а одно расстройство, лучше и не ловить.

Как правило, пойманные щуры ведут себя в клетке спокойно, но иногда попадаются и очень «дикие» особи. Таким птицам следует связывать крылья. За корм щуры берутся не всегда быстро и не всегда наедаются предложенной пищей. Насыплешь в пролетку с только что пойманными щурами конопли или давленых семечек, а птицы их как будто не замечают и начинают выбирать мельчайшие зернышки случайно попавших сорняков. Создается впечатление, что щур ест, а на самом деле он лишь раскидывает корм клювом. Попрыгает так полдня, глядишь, нахохлился. Чтобы не загубить птицу, необходимо знать, действительно ли щур поедает корм. Для этого ему надо раздуть перья на шее со стороны спины и посмотреть, есть ли пища у него в пищеводе.

Наш опыт показывает, что быстрее всего щуры привыкают к конопле. Но для начала лучше им предложить смесь из конопли, давленых семечек, проса, канареечного семени и посмотреть, что птица станет есть. Что ест, то и надо давать, лишь бы была она сыта. Ни в коем случае не следует только что пойманной птице класть рябину, другие ягоды, почки. Начав есть эти корма, щур не «возьмется» уже за остальные. А это значит, что он может погибнуть от голода через несколько дней, поскольку необходимого количества такой пищи запасти невозможно. Поэтому лучше делать наоборот: сначала приучить птицу к сытным кормам, которыми можно накормить досыта, а затем постепенно добавлять лакомство и витамины в виде ягод, почек, побегов, зелени, яблок, листьев капусты. Тогда красавец-щур будет долго доставлять радость прекрасной песней, спокойствием, невозмутимостью, доверчивостью и добродушием, которых столь не хватает человеку в его бурной и быстротечной жизни.

Водяной пастушок. Иногда в руки к людям попадают совершенно неожиданные птицы. В нашем доме таким нежданным гостем оказался водяной пастушок. Для Ленинградской области эта птица редкая. Всего-то, наверное, раз пять встречали. А тут в ноябре, в мороз. Нашли

его вмерзшим в лед клювом и лапками. Еле шевелился. Пока изо льда выковыривали ножом, клюв повредили. А может быть, он и сам его вывихнул, пытаясь освободиться из ледового плена. Когда его принесли домой, он сразу же начал есть мучных червей, а спустя час-другой уже клевал кусочки мяса, рубленое яйцо, мотыль. Через неделю совершенно оправился и стал полноправным членом семьи. Считалось, что он живет в нижнем отделении вольеры, но там ему было скучно, и он ходил вдоль решетки, пытаясь выскользнуть наружу. Когда клетку открывали, он выбегал из нее, залезал под шкаф или за диван и там спокойно дожидался сумерек. Захочет есть — бегом в клетку. Поест и опять за диван. Днем его почти не было видно и, казалось, что он не вылезает из-под шкафа, но маленькие кляксы помета выдавали его прогулки. Так его и назвали — Кляксой.

136. Камышница, как и многие пастушки, быстро привыкает к людям. (Фото Г. Носкова).

К вечеру пастушок оживал. Он любил несколько раз стремительно пронестись по квартире. Помахать крылышками. Нередко приближался к человеку и тщательно рассматривал и ощупывал его клювом. Но особенно интересна была для него собака сеттер. Если она лежала на полу среди комнаты, Клякса подходил к ней и начинал разгуливать по ее лапам, спине, голове. Чрезвычайное удовольствие достав-

ляло ему перебирать клювом шерсть собаки. Он мог часами обследовать ее брюхо, уши, засовывал клюв в пасть, поднимая брыли, и копался там среди зубов. Своей доверчивостью, простодушием и бесцеремонностью он шокировал пса и доставлял нам много веселых минут.

Интересно, что за семь месяцев жизни в квартире его ни разу не видели летающим. Сначала даже казалось, что пастушок не может летать вследствие какого-то повреждения. Но если его брали в руки и подбрасывали, он пролетал несколько метров, а затем всегда опускался на пол и убегал за шкаф. Глубокая уверенность в том, что он никогда сам не взлетит, позволяла без опасений открывать при нем окно, и он, действительно, семь месяцев не обращал на него никакого внимания. Но однажды в мае Кляксы не стало. Поначалу это даже не заметили. А потом поняли, что он вылетел в форточку.

Своим занятным поведением, спокойствием и неприхотливостью пастушок заслужил всеобщую любовь и уважение. Уже после него мы держали погоныша, коростеля, камышницу. Эти птицы, оказалось, очень неприхотливы к корму. Они быстро привыкают к людям и хорошо живут в неволе. Единственным неудобством в их содержании была потребность в «большой воде». Вода нужна им не только для питья, но и для постоянного купания. Поэтому купальницу диаметром в 20—30 сантиметров приходилось ставить на противень, предохраняющий пол клетки от намокания.

В научных целях иногда требуется ловить пастушковых птиц. Ловля их относительно проста: крупноячеистую паутинную сеть ставят в густой траве на болотах, перегораживая тропинки, по которым ходят эти птицы. Лучшее время отлова — август-сентябрь. Наличие пастушков устанавливается по их следам на мокрой почве или можно просто запомнить место, где кричали птицы в летние месяцы.

Восточная сплюшка. Когда один из авторов этой книги был студентом, ему посчастливилось попасть в экспедицию Зоологического института и поехать в качестве лаборанта на Дальний Восток. Из этой поры вспоминается один случай, которым нельзя не поделиться.

...Лето шло быстро. Каждый день экскурсии в поисках гнезд, встречи с новыми видами птиц. Во время одной из таких экскурсий я остановился отдохнуть, сел на пенек, облокотился на ствол монгольского дуба, и вдруг рядом с моим ухом кто-то четко произнес: «Пиффф... пиффф...». От неожиданности я вздрогнул, подскочил и оглянулся. Сзади никого не было, да и кругом ни души. Решив, что это мне померещилось, я снова сел на пенек и опять возле уха раздался тот же звук. Его необычность заставила даже поежиться. Я заглянул за ствол, там никто не прятался. Но теперь я уже точно знал, что звук — реальность, а не галлюцинация. В некотором замешательстве я разглядывал крону дерева, пенек, ствол и, наконец, заметил в нем узкую морозобойную трещину, а в ней несколько пар круглых ярко-желтых глаз. Такие глаза бывают только у сов. Значит, в вертикальном и глубоком дупле было гнездо. Пришлось залезть на дерево и до-

стать совят. Что за прелесть дети сов! Они всегда мягкие, пушистые, как бы испуганные и чуть обиженные...

Это были птенцы восточной сплюшки, ближайшего родственника нашей сплюшки. Их оказалось четверо. Один сильно отставал в росте и неминуемо бы погиб, не выдержав борьбы за пищу со своими братьями. У сов разновозрастность птенцов — типичное явление и младшие почти всегда либо погибают еще в гнезде от недоедания, так как старшие отнимают у них большую часть пищи, либо бывают съеденными более крупными совятами. Чаще всего случаи каннибализма встречаются у мохноногих и воробьиных сычей, ушастой и болотной сов, неясытей. У совок они наблюдаются реже, но при значительной разнице в размерах птенцов проявляются и у них. Чтобы спасти маленького совенка от неминуемой смерти, пришлось взять его с собой. За голос его назвали Пивкой.

137. Восточная сплюшка. (Фото Г. Носкова).

Во время работы экспедиции совенок жил в палатке. Кормили его тушками грызунов, саранчовыми и ночными бабочками, прилетавшими на свет мощной керосиновой лампы. Чувствовал совенок себя превосходно. Пивка настолько привязался к людям, что можно было гулять с ним по лесу, гладить его по голове и брать в руки. Больше всего совенку нравилось, когда ему чесали голову за ухом.

Осенью после приезда в Ленинград совка перелиняла и надела наряд взрослой птицы. В этом оперении она стала очень красивой. Пивка сохранял свою доверчивость к людям, он явно отличал членов нашей семьи от гостей. На незнакомых он обычно сердился, принимая позу угрозы: раздувался, топорщил перья на спине и голове, распускал крылья. Если же он чего-нибудь боялся, все перья на его теле плотно прижимались к туловищу, а на голове поднимались «ушки». Но милее всего он становился, когда был спокоен. Наблюдать за ним можно было часами. То, уморительно крутя головой, он рассматривал ползущую муху, то, летая за человеком, выпрашивал мучного червя, то садился на плечо, терся о щеку и подставлял свою голову, чтобы ему

почесали за ухом. От такой процедуры птица приходила в состояние полного блаженства: она вытягивалась, распускала крылья, удовлетворенно попискивала и, наконец, теряла равновесие и падала с плеча на пол. После этого она еще несколько минут издавала что-то вроде мурлыканья, означавшего удовольствие.

Очень интересно было наблюдать за охотой сплюшки. Если ей бросали на пол мучного червя или жука, она сразу же принимала «хищный» вид, выгибалась, делала несколько вращательных движений головой, как бы рассматривая добычу с разных точек, потом срывалась со своего насеста, на лету хватала личинку или взрослого жука, устремлялась с жертвой на любую присаду и там, стоя на одной ноге, другой лапкой подносила пищу к клюву всегда головкой вперед, раздавливала ее клювом и заглатывала насекомое. Если птице давали крупную ночную бабочку, она также хватала ее одной лапкой, закрывала глаза, оберегая их от ударов трепещущих крыльев, подносила насекомое лапкой ко рту, ощупывала его щетинками, которые растут вокруг клюва, с их помощью ориентировала головой вперед, умерщвляла и лишь потом заглатывала.

Пивка жил в неволе семь лет и погиб от аспергиллеза. Потом не раз у нас дома обитали сплюшки, и они тоже превращались в милейших ручных птиц. Такими же спокойными и ручными были сплюшки, жившие у наших знакомых. Так что совки могут считаться одними из наиболее простых и приятных для содержания в неволе видов сов.

Крупным совам жить в домашних условиях трудно, поскольку им нужны большие вольеры. Для сычей и совок вполне пригодна вольера объемом полтора-два кубических метра. В ней они могут прожить долгие годы и даже выводить потомство.

Для содержания в неволе сов не ловят. Все они относительно редкие, а некоторые из них (филин, рыбный филин, бородатая неясыть) могут быть причислены к очень редким видам. Поэтому их ловля запрещена законом. Тем не менее совы при тех же обстоятельствах, что и дневные хищники, нередко попадают в руки людей. То они залетают на чердаки или в квартиры через открытые окна, то их надо спасать от ворон, то отощавшую сову подбирают в городском сквере или парке. Таким птицам приходится оказывать помощь, и те из них, которые вынуждены прожить в неволе неделю-другую, уже теряют навыки охоты и не способны прокормиться на свободе. При надлежащем уходе и просторном помещении выздоровевшая сова быстро привыкает к своему хозяину, становится очень доверчивой и доставляет много радостных минут.

ЧТО ДЕЛАТЬ С НИМИ?

Дятлы в неволе. Мало кто может себе позволить держать в домашних условиях такую крупную птицу, как дятел. Постоянная долбящая деятельность дятлов не только приводит к порче вольер и клеток, но и сопровождается очень сильным шумом, который отнюдь не

доставляет удовольствия в жилой квартире. Поэтому дятлов обычно держат в юннатских кружках, лабораториях, зоопарках.

Самый массовый вид дятлов в наших лесах — большой пестрый дятел, пожалуй, лучше всех остальных видов живет в неволе. Эта птица всеядная, и ее рацион очень прост: семена подсолнуха и конопли, куриное яйцо, говяжий фарш, творог, каши, а если есть, то различные взрослые насекомые и их личинки. Всеядность большого пестрого дятла, как и других так называемых «всеядных птиц», отнюдь не означает, что птицу можно постоянно кормить чем-то одним. Напротив, всеядность свидетельствует о потребности в солидном наборе разнообразных кормов. Поэтому всеядные птицы, которые в целом просты для содержания, нередко быстро «хиреют» и гибнут от расстройства пищеварения, если рацион их скуден.

Для нормальной жизни в неволе дятлу не обойтись без обрубка ствола дерева или трухлявого пенька. Для ночевки необходимы домик-скворечник или дуплянка. Ствол нужен не только для того, чтобы птица лазала по нему и его долбила, но и для того, чтобы в нем она смогла устроить «кузницу» — углубление, в котором дятел будет обрабатывать еловые и сосновые шишки, извлекая из них семена. Кстати, шишки дятлу необходимы. Когда дятел раздалбливает шишки, он получает естественный корм, так как семенами хвойных дятел питается подавляющую часть года. Кроме того, долбящая деятельность — необходимое условие стачивания рогового чехла клюва, который у птицы постоянно отрастает и в неволе может стать слишком длинным и принять уродливую форму.

Почти так же хорошо, как и большой, живет в неволе малый пестрый дятел. Он более насекомояден, и ему необходимы и живые корма. Малые дятлы легко и быстро приручаются и могут даже доставить удовольствие своей доверчивостью.

Остальные виды дятлов чувствуют себя в неволе довольно плохо и, как правило, уже через месяц-другой погибают или от расстройства пищеварения, или от инфекционных болезней. Все наши попытки держать желну, седого, трехпалого, белоспинного дятлов окончились неудачей. Недолго жили они и в зоопарке. Те, кто пробуют содержать этих дятлов, обычно берут птенца из гнезда и выкармливают его вручную. Птенцы сперва хорошо растут, но уже через два-три месяца после того, как начинают сами кормиться, чувствуют себя все хуже и хуже, а затем погибают. Приходится признать, что создавать благоприятные условия для этих видов в клетках еще предстоит научиться. Но стоит ли их держать в любительских целях? Наверное, нет.

Есть среди наших дятлов птица, во многом необычная,— вертишейка. Вертишейки — перелетные птицы, они совершают регулярные дальние миграции. Места зимовок европейских особей находятся в северной половине Африки, сибирские вертишейки зимуют в тропической Азии.

Весной вертишейки прилетают всегда как-то неожиданно: в самом конце апреля вдруг в разных местах леса зазвучит их однообразная песня. Поют птицы недели две или три и опять вроде бы исчезают.

А когда начинаешь обследовать дупла или кольцевать птиц в дуплянках, обнаруживаешь следы их разбойничьей деятельности: разоренное гнездо большой синицы, разбитые кладки мухоловки-пеструшки, а то и само гнездо этого дятла, устроенное на остатках постройки изгнанного прежнего хозяина. Несколько раз мы пытались выкормить птенцов, беря их перед вылетом. По внешности и повадкам они очень похожи на птенцов воробьиных птиц. Они также реагируют на шорох и свет, открывая рот, повзрослев, хорошо схватывают с пинцета длинным языком корм.

138. Принимая позу затаивания, вертишейка замирает и становится как бы неживой.

(Фото О. Смирнова).

Пока кормишь птиц муравьиными коконами, мучными червями, личинками ос, все идет нормально. Едва добавишь в рацион куриное яйцо или творог, птенцы сразу же заболевают. Падает активность, ухудшается аппетит, появляется понос. Стоит исключить корма-заменители, и опять птенцы вроде бы здоровы. Попытки делать смеси из муравьев с мясом, куриным яйцом или творогом также оказываются неудачными. Корм поедается охотно, но переваривается плохо, и птенцы страдают расстройством пищеварения. В результате огромных затрат времени и труда некоторые птенцы вырастают, но радости общение с ними не доставляет. Большую часть дня неподвижно сидят они

в углу клетки, иногда ссорятся между собой и при любой возможности стараются ударить других обитателей клетки клювами.

Самое удивительное у вертишейки — ее язык. Он длинный, круглый, с шипиками на конце и приспособлен для того, чтобы извлекать насекомых из трещин в стволах и из-под коры деревьев. С помощью языка добывает вертишейка и земляных муравьев из их норок. Но эта способность вытаскивать языком корм из укромных мест нередко губит птиц, живущих в неволе. Если тщательно не вычистить клетку, то вертишейка обязательно отыщет в щелях частички испортившегося корма, съест его и заболеет.

Едят вертишейки часто и помногу и всегда бывают удивительно жирными. Жирность птиц сохраняется даже в период зимней линьки, чего никогда не наблюдается, например, у воробьиных. Зимой обычно кончается запас муравьиных коконов и птицы начинают чувствовать себя очень плохо. Ранней весной из леса удается приносить живых рыжих муравьев и состояние птиц улучшается, а некоторые самцы даже запевают. Особенно ручными вертишейки никогда не становятся. Всегда они остаются замкнутыми, достаточно пугливыми и малоподвижными. В периоды миграционной активности они, напротив, проявляют столь сильное беспокойство и так сильно бьются в клетках, что ранят себя и ломают перья. Даже полное затемнение в такие периоды не способно подавить их стремление к полету.

Все это приводит к тому, что многочисленные заботы и трудности ухода за вертишейками не окупаются радостью общения с ними, и, как большинство других дятлов, они вряд ли когда-нибудь станут любимыми объектами комнатного содержания.

«Бессмертный» лунь. Для любительского содержания в неволе хищников не ловят, это запрещено законом. И тем не менее они чаще других неворобьиных птиц попадают в руки людей.

Много хищников (орлов, канюков, орланов) гибнет в больших городах, хотя причин тому, казалось бы, нет. Просто залетят в город, попадут в незнакомую обстановку и не могут в ней сориентироваться. Сидит такой заблудившийся орел где-нибудь на крыше до тех пор, пока уже и летать не может от истощения, а затем либо умирает, либо его подбирают и приносят в зоопарк. Да и в естественной среде — в лесу, на полях — нередко можно заметить молодых птиц, так и не научившихся добывать себе корм. У нас, на севере, этих обреченных можно часто встретить среди канюков и осоеда, в лесостепной и степной зонах — среди коршунов и луней. Нередко хищники получают травмы и гибнут на линиях электропередач, и не только от ударов электрическим током, но и разбиваясь о провода.

Хищники — легкоранимые птицы. Их уязвимость тесно связана со способом добывания пищи. Охота за живым кормом требует от них мобилизации всех возможностей, и малейшая травма или даже попадание в непривычную обстановку приводят к тому, что преимущество в единоборстве между хищником и жертвой оказывается на стороне

жертвы: хищник уступает ей в скорости, маневренности, сноровке. Следствие этого — гибель от голода.

Очень сложен у хищных птиц переход молодых особей к самостоятельной жизни. Навыки охоты приобретаются лишь в определенном возрасте. В отличие от других птиц хищные наследуют не само умение добывать пищу (как, например, мухоловки хватать летающих насекомых), а только возможность приобрести его в строго определенный период развития организма. Наличие и сроки такого периода обусловливаются врожденной программой развития, а отработка самих навыков, строго соответствующих требованиям окружающей среды, определяется внешними факторами и осуществляется по принципу «запечатлевания». В возрасте «запечатлевания» птенец хищной птицы «начинает понимать», что ему надо броситься на кузнечика, птицу или мышь — все, что движется и имеет подходящие размеры.

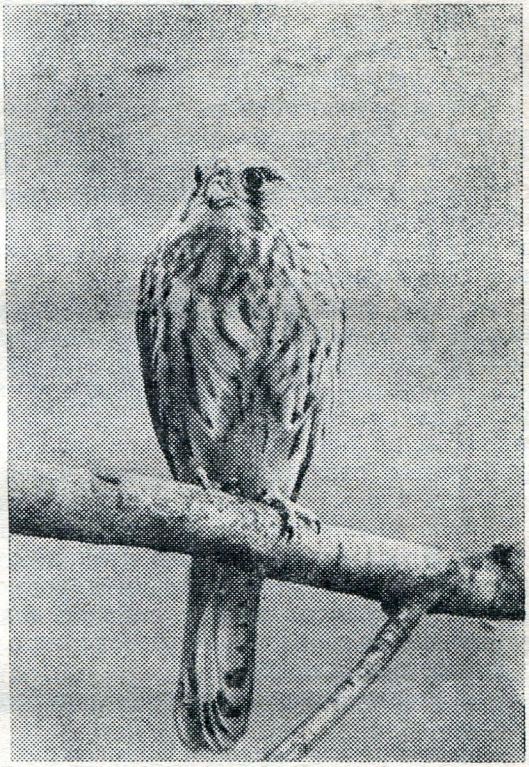
Опыт выкармливания молодых ястребов, коршунов, канюков, осоедов показал, что слетки этих птиц после оставления гнезда вначале с одинаковой готовностью нападают на любой движущийся предмет. Они охотятся за кусочком мяса, привязанным к нитке, за смятой бумажкой, живой белой мышкой и даже за ботинком. Но через семьдесять дней у них уже появляется дифференцированный подход и они нападают только на съедобные объекты. В это же время у них вырабатываются и навыки охоты. Вначале птенцы охотятся столь неумело, что в природе им под силу бывает совладать лишь со слетком, едваедва научившимся летать. Стоит же выводку ястребов или луней запоздать в сроках, и вылетевшим птенцам уже очень трудно найти необходимое для их пропитания количество слетков воробьиных птиц, а это значит, что они обречены на гибель. Поздние сроки рождения еще одна причина, из-за которой истощенные птенцы-слетки попадают в руки людей.

Попав в неволю даже на непродолжительное время (5—10 дней), нужное для того, чтобы подкормиться или залечить полученное увечье, хищник уже не может вернуться к вольной жизни. Он утрачивает должный уровень охотничьих навыков и, будучи выпущенным, погибает от голода прежде, чем может его восстановить. Десятки канюков, осоедов, ястребов, принесенных в зоопарк, подкормленных в течение нескольких дней, необходимых для восстановления сил и заживания ран, затем окольцованных и выпущенных на волю в местах массовых скоплений птиц, которые могли быть им пищей, всегда поступали назад через 10—20 дней из окрестностей места выпуска. Их находили мертвыми или погибающими от голода. Ни одного кольца, которое бы свидетельствовало о том, что выпущенная птица смогла вернуться к вольной жизни, мы не получили.

Столь же плачевными были наши попытки возвратить свободу хищникам, выкормленным вручную с птенцового возраста. Питаясь только неподвижным кормом или даже научившись схватывать и умерщвлять малоподвижных и хорошо заметных белых мышей, ни один ястреб, лунь, канюк не смог охотиться на своих жертв в природе. По-видимому, только кобчик и пустельга, воспитываемые дома и спе-

циально приучаемые ловить в комнате жуков, кузнечиков и стрекоз, могут с середины лета быть возвращены на волю. В нашей практике был случай, когда слеток пустельги, сильно пострадавший в гнезде от личинок мух кровососок и не приобретший своевременно способности к полету, был воспитан в неволе, выпущен в природу и благополучно прожил конец лета на полях, самостоятельно добывая разных саранчевых. Но чтобы привить ему необходимые навыки, потребовались специальные усилия. Так что за правило все же следует считать: если хищник попал в ваш дом, он обречен на пожизненное проживание в неволе.

Держать большинство хищных птиц нетрудно. Единственное условие, которое надо выполнять строго, — давать необходимое количество витаминов группы D, чтобы избежать рахита. В комнатных условиях хищная птица приносит столько забот, что подавляющее их число в конце концов оседает в юннатских кружках, виварнях или зоопарках. В неволе хищные птицы живут подолгу, но жизнь эта бывает, как правило, неполноценной.



139. Чаще других хищников в руках людей оказывается пустельга.
(Фото Г. Носкова).

В 1971 году в зоопарк принесли молодого болотного луня с перебитым крылом. Птицу подлечили, но из-за повреждения связок крыло так и осталось висеть. Известно, что ястребы и луни очень пугливы и в клетках они могут сильно разбиться. И этот лунь не был исключением. Если подходили к вольере, он бросался на сетку, ломал и загрязнял оперение. Оставшись один, лунь успокаивался, оглядываясь по сторонам, приближался к кормушке с мясом и жадно проглатывал кусок за куском. Его невероятная прожорливость радовала и подавала надежду, что птица будет жить. И лунь жил много лет, сыскав славу «бессмертного» луня.

С наступлением холодов луня приходилось переносить в теплое помещение. Это доставляло немало хлопот. В руки он не давался и всегда оказывал отчаянное сопротивление: переворачивался на спину, выставлял лапы с острыми когтями и ловко защищался, обладая невероятно быстрой реакцией. На приближение руки он моментально выбрасывал вперед лапу. Хитростью, которой обычно удается провести других хищных птиц, его было не обмануть. Когда ему подносили какой-нибудь мягкий предмет, например толстую тряпку, он в нее вцеплялся, но в то же время внимательно следил за рукой и схватывал ее одной лапой, продолжая удерживать тряпку другой. От острых когтей луня пострадали многие сотрудники зоопарка.

За жизнеспособность и суровый нрав лунь сыскал себе всеобщее уважение. Его остерегались, но любили, и каждый, кто общался с ним, старался дать ему лакомый кусочек. Однажды решили посадить луня в вольеру с осоедами и молодыми канюками в надежде, что, оказавшись в соседстве с этими спокойными птицами, лунь перестанет бояться людей. Но на следующее же утро увидели, как лунь в углу доедает молодого канюка.

У луня были и развлечения. В августе в клетку, где он жил, стали залетать молодые домовые воробьи. В зоопарке воробьи привыкают к хищным птицам и не боятся их. Лунь обычно сидел на земле под небольшим навесом от дождя и внимательно наблюдал за воробьями. Когда молодой воробушек приближался к нему сантиметров на тридцать, он бросался вперед и ловко схватывал лапой глупую жертву. Воробьи разлетались, но часа через три появлялись вновь и охота возобновлялась.

Лунь прожил в неволе семь лет, а это немалый срок для такой птицы. Вроде бы он неплохо прожил свой век, но оставил после себя грустное воспоминание. Не имея возможности летать, он подавляющую часть времени провел, сидя на полу вольеры; в дождливую погоду сильно намокал, в результате чего у него развился аспергиллез, от которого он и погиб.

Подобные истории типичны для большинства хищников, попавших в неволю.

А стрижу нужна только свобода! Практически невозможно создать условий, в которых бы при содержании в неволе мог летать стриж. Его стремительный безостановочный полет требует простора. Да и пищу он ловит только в воздухе, и пока ни одного стрижа нам не удалось научить брать корм из кормушки.

Без полета стриж представляет собой безотрадное зрелище. Целыми часами он может неподвижно висеть в углу клетки с полураскрытыми крыльями или ползать по матерчатой ее стенке. Его попытки взлететь, падения на пол вызывают глубокое сострадание. Поэтому если вы нашли стрижа со сломанными крыльями и надежды на полное выздоровление с восстановлением полета нет, гуманнее усыпить эту несчастную птицу. Браться за лечение взрослого, уже умеющего летать стрижа следует в тех случаях, если он потерял способность

к полету в результате легкого ушиба и у него все кости целы или если он от затяжной холодной погоды впал в состояние оцепенения. Таких птиц достаточно в течение трех-пяти дней подержать дома, а затем выпустить на волю.

Если попадет в руки выпавший из гнезда птенец, то общение с ним может даже доставить удовольствие. Уже через день-другой стрижонок начнет открывать клюв при виде пинцета с кормом и ждать вашего появления. Кормить его надо пять-семь раз в день. С приобретением способности к полету молодой стриж становится беспокойным: он активно передвигается по полу, пытаясь найти высоту, с которой можно взлететь. Кроме того, у него появляется своеобразная реакция трепыхания крыльями, когда птица начинает бить крыльями очень часто, как бы в судорогах. После того как молодой стриж научится летать, его необходимо немедленно выпустить на волю.

Содержать взрослого больного стрижа следует в клетке, обшитой плотным материалом изнутри. Это надо для того, чтобы птица за время пребывания в неволе не повредила и не испачкала оперение и ее можно было выпустить после выздоровления. Чтобы накормить стрижа, ему приходится заталкивать комки корма прямо в пищевод. В качестве корма лучше всего использовать смесь из мясного фарша, куриного яйца, муравьиных коконов, резаных мучных червей. Из этой смеси надо сделать небольшие шарики и давать по четыре-пять шариков за одну кормежку. После того как стриж поймет, что его новая пища состоит из таких комочков, он начинает схватывать корм с пинцета. Это значительно облегчает кормление. Поить стрижа можно из пипетки или просто смачивать водой некоторые кусочки пищи.

Выпускать выросшего в неволе молодого стрижа или выздоровевшую взрослую птицу нужно в теплый солнечный день, когда в воздухе много насекомых. Молодые птицы, научившиеся летать, уже способны ловить себе пищу. Для выпуска лучше выбрать место, где летает много стрижей. Птицу подбрасывают как можно выше в воздух и наблюдают, не упала ли она на землю. С земли стриж взлетает с трудом.

Выпуск на волю выздоровевшей птицы всегда вызывает чувство неизъяснимой радости. Подброшенная птица, набрав скорость, взмывает вверх, вливается в шумную стремительную стаю и растворяется в ней. И вы уже видите в небе не просто черные точки, а своеобразных живых существ с большими черными, немножко грустными глазами, с добрым и беззащитным нравом.

ЛОВЛЯ ПТИЦ НА СЛУЖБЕ НАУКИ

На свалке. Свалка — это нежелательное, но пока еще необходимое следствие цивилизации. Что может быть неприглядnее мусора и гниющих отходов, собранных в одном месте? Однако свалки привлекают многих животных, предоставляя им дополнительные источни-

ки пищи. Не будет преувеличением сказать, что сейчас некоторые виды птиц и зверей существуют в основном за счет свалок.

Свалки бывают разные. Сильнее всего привлекают животных бытовые отходы, отбросы мясокомбинатов и рыбоконсервных заводов. Такие свалки могут обеспечить кормами огромное количество птиц, а потому на них всегда скапливаются крупные стаи из разных видов. В европейской части нашей страны основными обитателями свалок и потребителями пищевых отходов становятся скворцы, чайки, врановые (галки, вороны, грачи, сороки), а также воробьи. По приблизительным подсчетам на свалках только Ленинграда и его ближайших пригородов в начале семидесятых годов осенью ежедневно кормилось около 10—15 миллионов птиц. За сутки они съедали не менее 300 тонн отходов и другой пищи, добываемой в окрестностях свалок.

Надо сказать, что разные виды птиц неодинаково используют пищевые возможности, которые предоставляет им свалка. Скворцы и грачи, например, потребляют главным образом личинки мух; галки, вороны, домовые воробьи и чайки — различные пищевые отходы; полевые воробьи — семена сорняков, обычно в изобилии произрастающих тут.

Каждая свалка имеет свое «лицо». Эти различия особенно заметны по наличию или отсутствию тех или иных видов, их количественному соотношению, поведению при кормодобывании, суточной ритмике кормежки. Все это бывает обусловлено каким-то фактором, который вычленить на первых порах не совсем просто. Но если присмотреться повнимательнее, проследить пути полета птиц, выясняется, что обилие грачей в одном месте связано с близостью их гнездовой колонии, скопление куликов в другом — с трассой их пролета, а стаи чаек в третьем — с существованием водоема.

Экологические условия самой свалки также сильно влияют на состав, численность и поведение птиц. Если рядом со свалкой есть хотя бы крохотный пруд, канава или лужа, на ней всегда будут кулики и чайки. Чайки, кормясь на свалке, прилетают к воде для отдыха, купания и питья. Кулики, наоборот, кормятся в воде или в жидкой грязи вокруг нее. В таких водоемчиках, богатых органикой, разводится много ракообразных, червей и насекомых, которые и привлекают куликов. На неглубоких лужах начиная с конца июня всегда множество турухтанов, чернышей, фифи, травников, перевозчиков, а позднее, в июле-августе, здесь появляются бекасы, дупели, чибисы.

В конце лета, осенью и зимой около свалок мусора живут птицы, которым, казалось бы, нечего здесь делать,— это чечетки, коноплянки, снегири, щеглы, зеленушки. Вьюрковых птиц прельщают не сами отходы, а семена тех сорных растений, которые разрастаются вокруг. На удобренной почве старых свалок обильно плодоносят лебеда, марь, репейник, мокрица, разные крестоцветные, то есть те растения, семена которых особенно любят все вьюрковые птицы.

Привлеченные большими скоплениями мелких воробьиных птиц, на свалках во внегнездовое время всегда оседают или держатся в их окрестностях хищники: ястребы, мелкие соколиные, совы. Чаще других

видов около свалок в средней полосе нашей страны осенью и зимой обитают перепелятник, дербник, ушастая сова.

Несколько реже свалки приманивают мелких насекомоядных птиц. В центральной полосе Советского Союза только большая синица регулярно наведывается на них и обитает здесь в зимнее время. Старые, заросшие густыми и высокими сорняками пустыри на местах бывших свалок любят посещать в пору осеннего пролета камышевки, варакушки, пеночки, славки. Последних соблазняет, как правило, бузина, кусты которой обычно обильно плодоносят на таких пустырях и в то же время надежно защищают от врагов в своих густых ветвях.

На Дальнем Востоке и Сахалине насекомоядные птицы из отряда воробьиных могут считаться регулярными и многочисленными обитателями свалок бытовых и пищевых отходов. По всей вероятности, это связано со своеобразной специализацией многих дальневосточных видов на питании личинками мух. А такая своеобразная специализация, в свою очередь, объясняется их обилием в естественных биоценозах.

Хорошо известно, что Дальний Восток славится «красной» рыбой. Ежегодно во все реки, речки и даже небольшие ручьи Приморья, Хабаровского края, Сахалина и Курил идут на нерест проходные лососевые рыбы. Идут для того, чтобы в верховьях речек выметать икру, оставить после себя потомство, а затем погибнуть. Это и стало играть своеобразную роль в жизни дальневосточных экосистем.

Оказывается, что помимо позвоночных животных (медведей, лисиц, норок, большеклювой и черной ворон, орланов), поедающих живую и отнерестившуюся рыбу, использовать в той или иной форме погибших особей приспособились многие беспозвоночные и растения. Так, разложение трупов погибшей рыбы чаще всего происходит двумя способами: либо путем развития нескольких весьма специализированных видов плесени, либо посредством развития личинок двукрылых. Эти личинки мух, очень быстро развиваясь в погибшей рыбе, перед окукливанием покидают ее и расползаются подальше от воды, в более сухие места. Там они превращаются в куколки. В процессе расползания их и поедают самые различные птицы: камышевки, овсянки, воробьи, трясогузки, коньки, дрозды. Таким образом, личинки двукрылых на Дальнем Востоке — естественный, легкодоступный, широкораспространенный и изобильный корм, существующий независимо от хозяйственной деятельности людей. За те многие миллионы лет, в течение которых формировались биоценотические связи видов, образующих дальневосточные экосистемы, к нему успели адаптироваться, освоили его и стали использовать в качестве источника пищи представители самых различных групп животных, в том числе и воробьиные насекомоядные птицы.

Помнится, как во время одной из экспедиций на Сахалин мы столкнулись в довольно дикой местности с расползанием личинок мух и кормежкой на них значительных скоплений птиц. На тропинке, идущей вдоль берега небольшого ручья, впадающего в Охотское море, этот корм собирали самые разнообразные птицы. Личинок на тропинке было столько, что скользили ноги. Пока они ползли внутри травы,

их можно было заметить с трудом. Но пересекая хорошо утоптанную тропинку, личинки бросались в глаза, и их склевывали здесь тысячи птиц. Особенно много вокруг было седоголовых овсянок, таежных сверчков, соловьев-красношеек, дроздов.

Такая кормовая специализация многих видов дальневосточных птиц привела к тому, что на отходах рыбоконсервных заводов, около звероферм, использующих остатки рыбы, и любых других предприятий рыбоперерабатывающей промышленности, где имеются хотя бы небольшие отходы рыбы, в массе скапливаются и кормятся самые разнообразные насекомоядные воробьиные птицы. Нам приходилось ловить на таких свалках белых трясогузок, зеленых коньков, овсянок (седоголовую, дубровника, ошейниковую, сизую), соловьев-красношеек, синехвосток, чернобровых камышевок, таежных сверчков, дроздов (сизого, рыжего).

Ловля на свалке всегда бывает результативной и интересной. Несмотря на непрезентабельный вид мусора и неприятные запахи, обилие птиц и успешность лова доставляют удовлетворение. Чаще всего для ловли в таких условиях применяются паутинные сети или тайник. При ловле паутинными сетями приходится отыскивать место отдыха птиц где-то рядом в кустах и перегораживать путь подлета к нему. Ловля тайником бывает эффективной на действующих свалках, куда часто подвозят мусор, где ходят люди и птицы привыкли к постоянно изменяющейся обстановке. В таких местах сеть можно установить прямо на свежие отходы, присмотревшись заранее, куда обычно прилетают птицы.

Ловля птиц на свалках с целью их массового кольцевания дает заслуживающие внимания результаты, так как позволяет изучать птиц как бы в мертвый сезон, когда массовая ловля другими способами довольно трудна. Больше всего птиц концентрируется на свалках во второй половине лета — начале осени, то есть в период между гнездованием и отлетом. Период этот несет в себе много загадок. Действительно, что делают отгнездившиеся родители после того, как подросшие птенцы перестали в них нуждаться? А как протекает жизнь молодняка после приобретения им самостоятельности? Остаются ли птицы на местах своего гнездования или рождения либо они улетают куда-то на новое место жительства? Может ли столь обильный источник корма, как свалка, удержать нашедших ее птиц на долгое время, или у нее идет постоянная смена особей? С какой территории свалка может привлечь к себе птиц?

Ответы на все эти вопросы могут дать только массовое кольцевание и повторные отловы окольцованных особей. Поэтому ловля во второй половине лета как метод исследования оказывается наиболее удачным способом выяснения послегнездовой экологии целого ряда видов. Так, отлавливая чаек на свалках под Ленинградом, мы узнали, что сюда осенью слетаются птицы со всей восточной Прибалтики — из Эстонии, Латвии, а также из Финляндии, Норвегии. Они проводят здесь большую часть осени, широко кочуя по Финскому заливу, и лишь в октябре улетают в Западную Европу к местам зимовок.

Оказалось, что примерно так же ведут себя и скворцы. После летних миграций в июле эти птицы до поздней осени остаются на богатых кормом участках и лишь в сентябре-октябре с наступлением похолоданий улетают к местам зимовок.

В отличие от скворцов и чаек кулики используют кормовые стоянки около свалок недолго. Покормившись на них от одного до пяти дней, они покидают их, и уже через несколько суток могут быть пойманы за тысячи километров (например, в Средиземноморье).

Свалки оказались удобным местом для изучения зимней экологии птиц, в частности вьюрковых, хищников, сов. Их кольцевание и мечение позволили уточнить сроки обязательных передвижений, во время которых кормовой фактор не в состоянии заставить птиц вести оседлый образ жизни, и, наоборот, выявить периоды подвижности, определяемые недостатком в кормах.

Таким образом, ловля на свалках должна считаться весьма перспективным методом сбора научной информации, который таит в себе большие и еще далеко не использованные специалистами возможности.

Что дают отловы на прикормке. Перед орнитологами нередко возникает задача наблюдать за составом местного населения птиц. Решать ее приходится в тех случаях, когда ведутся демографические исследования, если надо выяснить сроки исчезновения или, наоборот, появления какой-либо части особей. Без постоянных отловов на контрольных площадках нельзя, например, узнать, какой процент в том или ином поселении составляют птицы местного происхождения и какой — прилетевшие из других районов.

Исследования подобного рода удобнее всего вести либо методом расстановки большого числа паутинных сетей и постепенного их перемещения по всей изучаемой площади, либо методом создания сети прикормок, которые привлекают к себе подавляющее количество обитающих вокруг особей. Второй способ для многих видов может дать очень хорошие результаты, так как с его помощью удается осуществить поголовный учет местных птиц. Его применение как метода научных исследований заслуживает специального обсуждения, ибо у орнитологов часто возникает законное опасение, не вносит ли прикормка изменений в характер связей птиц с территорией. Поэтому нам представляется целесообразным поделиться накопленным опытом работы с прикормками птиц.

Специально проведенные эксперименты показали, что влияние прикормки на привязанность птиц к территории во многом зависит от типа миграционного поведения вида. Вот почему однозначный ответ на поставленный вопрос дать невозможно.

Перелетные виды птиц, находящиеся в гнездовой части ареала в то время года, когда в природе имеется обилие доступной пищи, привлекаются на искусственные прикормки плохо. В нашей практике использование прикормок оказалось эффективным лишь для чечевицы и славок. Чечевицы охотно привлекаются прикормками из семян подсолнечника на протяжении всего времени их пребывания на местах

гнездования. Выполненные в южном Приладожье работы показали, что такие прикормки не отражаются на продолжительности связей особей данного вида с участком обитания и не влияют на сроки наступления или прекращения миграционного поведения.

Использование ягод для прикормки славок оказалось успешным во второй половине лета, когда плоды становятся необходимой составной частью их рациона. Прикормки из ягод изменяли лишь места скоплений птиц, поскольку и без них в это время года большинство славок концентрируется у плодоносящих кустов бузины, крушины, жимолости или других ягодников.

Таким образом, у перелетных видов птиц, всей своей экологией приспособленных к обитанию в условиях обилия пищи, дополнительные кормовые источники в форме искусственных прикормок не могут повлиять на закономерности их территориального поведения, то есть этот метод безбоязненно можно использовать для их отлова в любое время года.

Птицы с кочевым типом миграционной активности, например снегири, зеленушки, свиристели, рябинник, в годовом цикле имеют периоды обязательных передвижений, приуроченных к весне и осени, и периоды вынужденных зимних миграций, связанных с поисками новых источников корма. В сезоны обязательных миграций эти птицы реагируют на прикормки так же, как и перелетные виды: корм не может прекратить у них миграционную активность или существенно повлиять на сроки начала и конца передвижений. В зимнее же время, когда миграционное поведение стимулируется исчезновением кормов, постоянно действующая прикормка собирает и удерживает птиц на постоянном участке обитания. Но как относиться к возникающим изменениям в поведении птиц: как к чему-то неестественному, привнесенному экспериментатором или как к закономерным изменениям, появившимся в ответ на наличие корма? По-видимому, вернее вторая точка зрения. Ведь в природе снегири, нашедшие группу плодоносящих ясеней, или чечетки, отыскав ольшаник с обильно плодоносящими деревьями, тоже воспринимают их как постоянный и доступный источник корма и реагируют на них тем же оседлым поведением. Таким образом, созданная человеком прикормка заменяет собой естественный источник пищи. Следовательно, изучая закономерности поведения кочующих птиц зимой на прикормке, результаты надо приравнивать к таковым, собранным в условиях местности с обильными естественными источниками корма. Важным преимуществом прикормок в данном случае становится возможность по желанию исследователя прервать подачу корма и, имитируя тем самым истощение кормовой базы, изучать реакцию птиц.

Сложнее всего оказывается воздействие прикормки на территориальное поведение таких птиц, как большая синица, сойки, серая ворона и некоторых других. В свое время мы предложили назвать его блуждающим типом миграционной активности. Эти птицы могут вести себя совершенно различно при наличии и отсутствии пищи и на протяжении почти круглого года менять места жительства, отыскивая

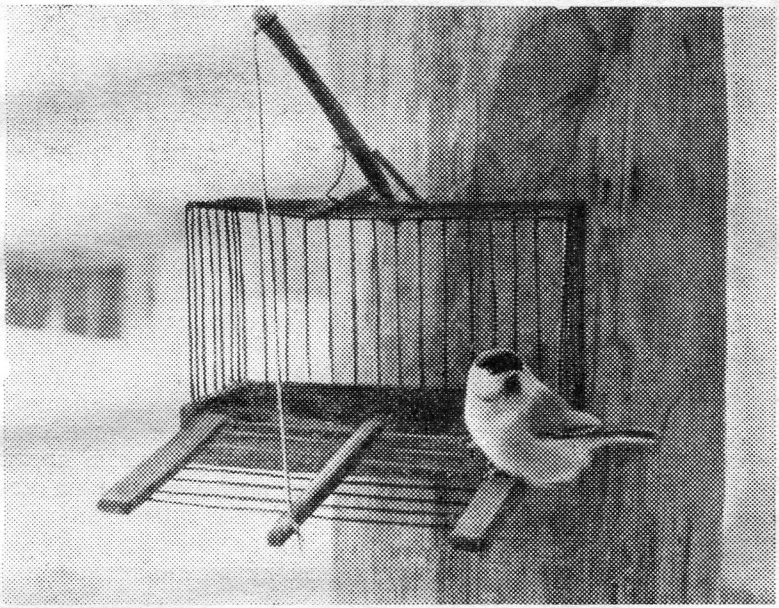
корм. Весь образ их жизни по существу направлен на то, чтобы быстро обнаруживать и использовать временные кормовые ресурсы. Кроме того, у перечисленных видов взрослые и молодые особи ведут себя по-разному при недостатке кормов. Так, например, изучая состав больших синиц в условиях Ленинграда, мы выяснили, что среди них очень мало взрослых птиц и обитающие в городской среде синицы почти полностью представлены молодыми особями. Объясняется подобное явление тем, что сравнительно высокая подвижность молодых синиц позволяет им дальше улетать от мест своего рождения и использовать зимой источники пищи в той среде, которая непригодна для них летом в качестве мест размножения. Приведенные факты заставляют чрезвычайно осторожно относиться к сведениям, полученным с помощью прикормок у обсуждаемой группы птиц. Все материалы, связанные с их отловом, также должны рассматриваться только как сведения, собранные у прикормки, и не распространяться на другие места обитания.

При изучении территориального поведения оседлых видов птиц, таких, как пухляк, хохлатая синица, болотная гаичка, сорока и дятлы, необходимо помнить, что прикормка сильнее всего влияет на них в осеннее время, когда молодые птицы выбирают себе участок обитания на всю последующую жизнь. Разлетающийся от мест своего рождения молодняк в эту пору может быть привлечен обилием пищи на прикормках и создать на прилегающих к ним территориях неестественные концентрации. Так, например, в тех участках леса, где многие годы без осенних прикормок оседало четыре-семь пухляков, с помощью подкормки удавалось повысить число осевших птиц до десяти-тринадцати и даже семнадцати особей. В остальное время года оседлые птицы находят прикормку и пользуются ею лишь в том случае, если она попадает на уже занятый участок обитания, ибо сам феномен оседлости не позволяет им отыскивать источник корма за его пределами. Следовательно, метод прикормки в данном случае дает возможность собрать птиц с весьма ограниченных площадей.

Перечисленные особенности связей птиц с территорией необходимо учитывать при планировании любых работ с использованием прикормок, так как без этого бывает невозможно правильно осмыслить собранный материал.

Другая особенность отлова птиц на постоянно действующих прикормках — их способность научаться избегать одни и те же орудия лова. При этом часто они демонстрируют удивительные примеры сообразительности, памяти и находчивости. Широко известны, например, осторожность и «разумность» врановых птиц. Но несравненно большее удивление вызывает тот факт, что такие, казалось бы, простые для ловли птицы, как большая синица, поползень, гренадерка, лазоревка, через две-три поимки начинают избегать знакомую им ловушку или подлетают к прикормке только в отсутствие птицелова. Многие из них демонстрируют просто загадочную сообразительность, причем она представляет собой не редкостное явление, а встречается регулярно у разных особей. Так, почти на каждой прикормке в лесной местности

существуют две-три птицы, которых фактически невозможно поймать ни в одну из тех ловушек, где они хоть раз побывали. Нередко пухляки и большие синицы отличают настороженный западок от ненастороженного. Они охотно кормятся в этой ловушке при опущенном сторожке и не подлетают к ней при приподнятом. Чтобы поймать таких сообразительных птиц, вначале к дверце ловушки приходится привязывать нитку и вылавливать нужных особей выборочно вручную. Однако после одного-двух отловов птицы уже знают, «что такое нитка», а многие из них даже проверяют, есть ли на другом конце ее человек.



141. Такой бывалый пухляк легко отличает настороженный боек от бойка-кормушки.

(Фото Г. Носкова).

В таких случаях приходится прятаться в палатку или шалаш, но и тогда некоторые особи ухитряются заглядывать в укрытие и обнаруживать там ловца.

Чтобы не быть пойманными, отдельные большие синицы, пухляки и гренадерки умудряются залезать и вылезать из бойков и западков, не садясь на сторожок. В этом случае они чаще всего перепрыгивают через него или цепляются за боковые стенки ловушки. Еще более «разумно» научился поступать один пухляк, проживший на прикормке более трех лет. После восьми отловов он вообще перестал залетать

в любую ловушку и даже ящик-кормушку, а приспособился добывать семечки, которые запасают другие синицы и поползни. Он всегда вертелся около прикормки и наблюдал за поведением соседей. Если птица брала семечко и начинала его долбить и поедать, то пухляк не обращал на нее никакого внимания. Если же она, взяв корм в клюв, летела прятать его, то сообразительный пухляк подлетал сантиметров на двадцать-тридцать и внимательно следил, где окажется корм. Как только запасающая птица заталкивала семечко за кору или прятала его между хвоинок, «умный» пухляк тут же извлекал его и спокойно поедал. Подобное поведение требует не только частой смены ловушек и перемены приемов лова, но и творческого подхода исследователя при работе на прикормках. Без этого объективные данные о составе местного населения не могут быть получены.

Наконец, прикормки дают возможность убедиться в наличии памяти у птиц. Так, испытав на себе действие орудий лова, птицы через год или даже через несколько лет помнят их и стараются избегать. Совершая сезонные перемещения и попадая на следующий год в тот же район, они быстро вспоминают, где в предыдущем сезоне находили корм и как до него добраться. Однажды в сарай без двери, где хранились семена лебеды и просо, научились летать и кормиться овсянки. В середине зимы, чтобы сарай не заметало снегом, навесили дверь. Все овсянки перестали его посещать, но одна птица приспособилась через щель под дверью проникать в сарай и продолжала там питаться до весны. Другие птицы делать этого не научились, так как в сарае было сумрачно и семян в щели не было видно. К весне овсянка покинула место зимовки и улетела куда-то гнездиться. В следующий сезон она опять появилась на месте предыдущей зимовки и снова стала летать в сарай за кормом, используя навыки, приобретенные прежде.

Работая с прикормками, знаешь, что в новом сезоне на кормушках первыми всегда появятся те птицы, которые посещали их в предыдущий год. По-видимому, такая память на важные для жизни особи объекты и события необходима птицам для их выживания.

КАК ПОЙМАТЬ ВОРОБЬЯ

Для многих воробей — это что-то сорное, уважения не вызывающее, то, что шмыгает под ногами и что можно не замечать и не рассматривать: времени нет и достоинство не позволяет. А ловить-то его разве серьезное дело, решетом накрыл и все. Однако когда-то умный человек придумал пословицу: «Стреляного воробья на мякине не проведешь»,— очень меткую пословицу. Она отражает всю сущность воробьиной природы. Живя рядом с человеком, воробей приспособился к нему и готов к борьбе с людским коварством в любом проявлении.

Воробей — птица стайная. Общественный образ жизни позволяет ему использовать опыт и ошибки всех членов стаи. В этом, наверное, основная сила воробьев. Один нашел что-то съестное, другие увидели, и вот уже вся стая безбоязненно клюет просыпанное зерно. Но пред-

ставьте себе, что один воробей заметил ловушку с кормом, влез в нее и попался. Остальные тут же обнаружат его промах, и больше воробьев этой ловушкой не поймать. Даже если к ловушке и подлетит какой-нибудь новый воробей, который не присутствовал при ловле, так остальные тут же поднимут тревогу, и он все поймет. Нет, что ни говорите, а воробей уважения, а не презрения заслуживает. Презирает же воробьев лишь тот, кто их не знает.

На большей территории нашей страны живут бок о бок два вида воробьев: домовый и полевой. Полевого воробья нет только на самом севере, а домового на Дальнем Востоке. Они очень похожи и поведением, и внешностью, но полевой, пожалуй, симпатичнее. Размерами он чуть меньше, на голове коричневая шапочка, под клювом маленький черный галстучек, а не ошейник, как у самца домового. Встречаются воробьи везде, где живет человек. А в степях, предгорьях, лесных посадках на юге СССР полевой воробей обитает и там, где нет людей; здесь он может прокормиться зимой семенами трав.

Любители птиц обычно воробьев не ловят. Однако птиц этих держать дома очень интересно. Любопытны они прежде всего своим поведением, особенно, если в клетку поставить дупло или повесить небольшой домик-синичник. В этом случае удачно подобранная пара может приступить к размножению, а строить гнездо будет наверняка. Ведь гнездо у воробья служит не только для выведения потомства, но и для ночлега, а также убежищем от врагов.

Воробьев часто ловят орнитологи и другие специалисты-биологи для экспериментов — их много, человек сам способствует увеличению их числа, поэтому их не так жалко. Довелось ловить воробьев и нам, когда мы собирали сведения об этой птице из разных частей ее ареала. Только тогда мы по-настоящему и поняли воробья.

Представьте большой животноводческий поселок или элеватор. В местах, где рассыпано зерно или комбикорм, концентрируются тысячи птиц. Из них надо добыть штук сорок-пятьдесят. Кругом люди, коровы и другой скот, ездят машины. Одним словом, жизнь идет полным ходом и все заняты своим делом. Прежде всего необходимо получить разрешение ловить здесь птиц. И вот начинаешь рассказывать тому, кто показался подобродушнее, о том, что ты из Ленинграда и приехал сюда, например на Сахалин, под Баку или в Иркутск, половить воробьев. Первыми же своими словами ты производишь на собеседника очень «сильное впечатление». Столь сильное, что он смотрит на тебя с жалостью. Приходится оправдываться и пытаться доказать, что ты всего лишь навсего ученый и в подтверждение показывать бумажку, где написано, что ты действительно сотрудник Ленинградского университета и приехал для ловли воробьев. Вокруг собирается несколько человек, и начинаются советы, где и как их лучше поймать. Все сходятся на том, что это очень легко — вон их сколько, прямо под ногами прыгают. И охотно вызываются помочь что-то натянуть, расстелить, установить.

Но вот именно этого делать и нельзя. Из прошлого опыта прекрасно знаешь, что воробьи чувствуют себя спокойно только тогда,

когда все люди заняты своим делом. Да, действительно, они тогда будут шмыгать под ногами и под колесами машин. Но стоит хоть чем-то нарушить этот привычный для них ритм жизни, и воробьев нет. Собеседники и помощники будут изумляться, что же случилось и почему воробьи вдруг как сквозь землю провалились. В этот день, считайте, ловля не состоится. И нечего пытаться гоняться за воробьями, переставлять сети или ловушки в другое место, куда они, кажется, перебрались. Это бесполезно и только еще больше напугает воробьев. Лучше всего тайник или другую ловушку оставить в ненастороженном состоянии на день-другой на том же месте с прикормкой, чтобы воробьи к ней привыкли. А потом, когда и люди, и птицы вас будут считать за своего и в отношениях с вами уже не будет ничего необычного, можно попытаться за один раз накрыть столько птиц, сколько надо. И помните: второго раза при ловле воробьев не бывает, так что приходится тщательно проверять тайник и дожидаться, пока на току не соберется необходимое количество птиц.

Как же все-таки ловить воробьев? Пожалуй, можно рекомендовать три способа. Наиболее экономичным по объему затрачиваемых труда и времени может считаться отлов с помощью паутинных сетей. Но его не всегда и не везде удается применять. Он основан на особенностях поведения воробьев.

В местах скопления этих птиц около источников пищи всегда имеются какие-то укрытия, где воробьи проводят большую часть времени. Здесь они прячутся от непогоды, от хищников и здесь же исполняют свои коллективные концерты. Обычно ими служат густые кусты, заросли крупных сорняков, мотки спутанной проволоки, кучи обломков пиломатериалов. После кормежки и при появлении малейшей опасности воробьи всей стаей стремительно бросаются к таким убежищам и прячутся в них. Если укрытия расположены в местах, где путь пролета к ним можно перегородить паутинной сетью, то этим следует воспользоваться. Паутинную сеть необходимо ставить за два-три метра до влета в куст. Надо постараться также установить ее быстро, не допуская особых изменений в окружающей обстановке, а потом тихонько отойти в сторону и ждать, когда воробьи соберутся на месте кормежки. После этого бывает достаточно хлопнуть в ладоши или кинуть в стаю каким-нибудь нетяжелым предметом, чтобы она сорвалась с места, устремилась к своему укрытию и запуталась в сети. Отлов таким образом можно производить два-три раза, пока воробьи не запомнят место расположения путанки и не начнут облетать ее.

Два других способа ловли основаны на использовании прикормки. Начинать надо с устройства тока, на который высыпается прикормка из проса или других семян. После того как воробьи привыкнут к току и станут его постоянно посещать, можно установить тайник или накрыть прикормку ловушкой с конусами. В обоих вариантах лучше дать несколько дней птицам клевать семена на току и их не ловить. Приступая к отлову, надо стремиться за один раз накрыть тайником или собрать в ловушку возможно большее количество особей, после чего ловушки опять оставлять ненастороженными.

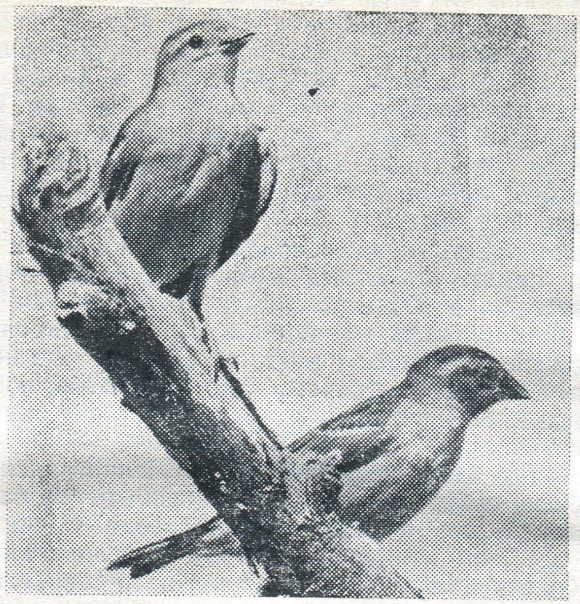
Отлову паутинными сетями отдается предпочтение в том случае, когда воробьи нужны для проведения опытов и не будут выпущены на волю. Отловы на прикормках позволяют получить хороший результат в местах стационарных работ, если, скажем, надо кольцевать птиц и проверять степень постоянства местного населения. Такие работы с воробьями особенно трудны, и для сбора данных, объективно отражающих структуру их населения, приходится затрачивать очень много сил, выдумки и изобретательности, но и тогда получить полноценные сведения не всегда удается.

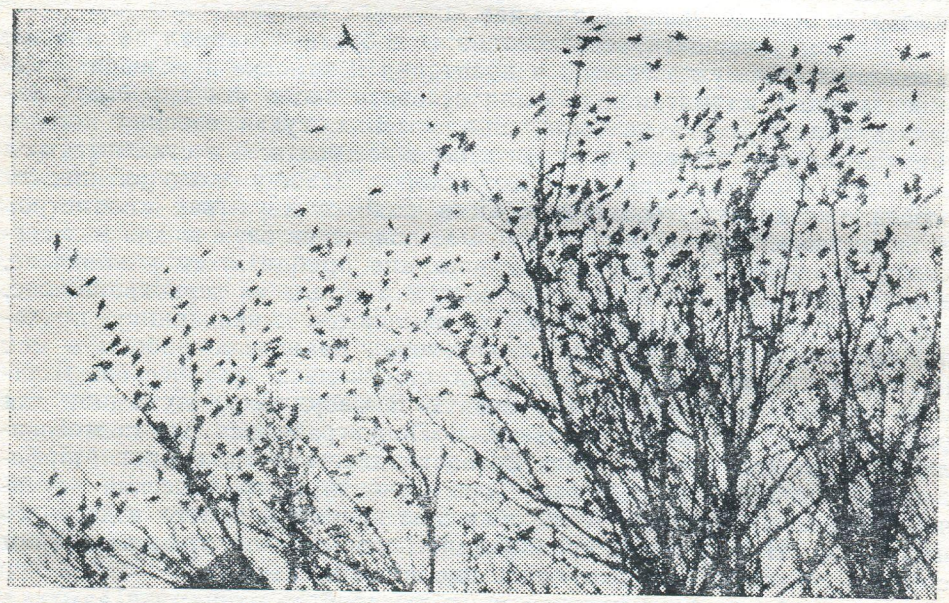
Относительно просто ловить молодых воробьев во второй половине лета, пока они не набрались жизненного опыта и не научились подражать поведению взрослых местных птиц. Но уже с конца сентября образ действий у них меняется и воробьи становятся «стреляными». В это-то время, в период предзимья, когда еще нет снега и достаточно корма, а жизненные навыки уже сложились, поймать воробьев особенно трудно. На всю жизнь запомнилась нам якутская история с полевыми воробьями.

Летом и осенью 1974 года экспедиция Ленинградского университета должна была собирать данные по воробьям Якутии. Участники экспедиции остановились в окрестностях города Олекминска и проработали там все лето. Воробьев ловили у зернохранилища, около конюшни и в большом свинарнике, где их было множество. За летне-осенние месяцы мы сильно надоели этим воробьям, и они поняли, что нас надо опасаться. Все члены экспедиции к середине сентября разъехались, и остался лишь один из нас.

...Чтобы завершить исследование и добрать материал по линьке, осеннему токовому поведению и адаптации к зимовке в условиях континентального климата, надо было отловить около ста воробьев. Начались холода, снега не было, стояла ясная, сухая осенняя погода. Воробьи начали токовать и строить осенние гнезда, а я стал пытаться их ловить. Но после трех удачных отловов, давших около пятидесяти особей, оказалось, что все воробьи в радиусе двух-трех километров отлично знают меня в лицо и само мое появление служит для них сигналом к паническому бегству. Стоило мне приблизиться к конюшне, как стая воробьев поднималась в воздух и летела на зернохранилище, иду на зернохранилище, воробьи устремляются к свинарнику, прихожу в свинарник, они удирают в конюшню. За неделю работы в мои руки попали два воробья. Ситуация становилась критической. Якутские воробьи были нужны, как воздух. В Свердловске их ждали для работ по энергетическому балансу. В Ленинграде для них подготовили вольеры, чтобы исследовать фотопериодические адаптации. Морфологи хотели получить материал для изучения географической изменчивости разных органов. А воробьи тем временем просто издевались надо мной. И всей моей квалификации птицелова с тридцатилетним стажем не хватало, чтобы отловить еще полсотни птиц.

После долгих размышлений и наблюдений за птицами я заметил, что спокойнее всего воробьи ведут себя в свинарнике, а успокаивающее действие на них оказывает местный свинарь-якут дядя Федя. Когда





142. Огромные скопления воробьев встречаются у свалок, токов, ферм, зернохранилищ. (Фото Э. Головановой).

он неторопливой походкой идет в загоны для свиней и насыпает в кормушки овес, воробьи безбоязненно подлетают к нему и выбирают мелкие зернышки сорняков среди зерен просыпавшегося овса. Этим я и решил воспользоваться. Только вот свиньи. Они не дают поставить тайник и сразу бегут к кормушкам, которые я хотел накрывать сеткой вместе с воробьями. Пришлось упросить дядю Федю перегнать свиней в соседний загон, а кормушки оставить на старом месте по другую сторону изгороди, установив их в два ряда. Между этими-то рядами кормушек я и расстелил тайник, а сошки и начало веревки накрыл сухой травой, чтобы не видно было. Утром, еще в сумерках, все тщательно проверил. В 8 часов 30 минут дядя Федя пошел насыпать овес в кормушки, а я спрятался в будке рядом. Воробьи сразу же подлетели... к свиньям, но не к кормушкам. Опять-таки им показалось странным, что свиньи и корм разделились, а они привыкли их видеть вместе. Однако через некоторое время потихоньку они начали все же подлетать и к кормушкам. Набралось их штук тридцать, дернул тайник за веревку. Накрыл всех, да только двадцать из них полевыми оказались, а десять домовыми были. А мне для опытов были полевые воробьи нужны. Больше в свинарнике делать нечего. Сетку снял. Но еще тридцать воробьев надо. Решил, что этих лучше настреляю. Для опытов живых уже хватит, а морфологам можно и заспиртованных привезти.

На следующий день взял ружье, патроны с мелкой дробью, отправился опять к тому же свинарнику. Пока иду, обычно меня воробьи не боялись, но стоило остановиться и что-то начать делать, они улетали. Вот этим я и решил воспользоваться: стрелять с ходу. Подошел, смотрю: сидит стая на вершинках колышков в загоне. Выстрелил «на вскидку». Удалось добыть двенадцать штук. Но после этого выстрела они меня вообще подпускать перестали. Стоит мне появиться в деревне, воробьи на всех соседних домах тревогу поднимают, а на конюшне, в свинарнике, на зернохранилище ближе чем на сто метров не подпускают. Неделю с ружьем прогонялся — двух воробьев убил. И тут произошло самое интересное. Все местные воробьи поняли, что мне именно полевые воробьи нужны, а домовые могут жить спокойно. Как они до этого дошли, угадать невозможно. Но подхожу к свинарнику — стая разделяется: домовые остаются, полевые улетают; иду на конюшню — то же самое. Местные жители, особенно мальчишки, стали на мою охоту как на представление в цирк ходить. Смотрят, удивляются, глазам не верят. Я бы, наверное, и сам не поверил, если бы кто-нибудь рассказал такое. Такое надо увидеть.

Положение становилось безвыходным. Выручил опять же дядя Федя. Предложил свою шапку и ватник надеть, а в руки ведерко с кормом взять. Так я и сделал. Удалось выстрелить еще раз. Добыл восемь штук. А остальных уже поодиночке под карнизами домов ночью паутинной сетью ловил.

Вот и сорная птица! Вот и решетом накрывать! Нет, перед воробьем шапку снимать надо. У него впереди великое будущее. И недаром, наверное, он «идет к нему бок о бок» с человеком!

Вместо заключения

У некоторых читателей этой книги, по-видимому, возникли вопросы о том, не может ли повлиять ловля на численность птиц в природе, сколь продолжительна жизнь птиц в неволе, можно ли выпускать птицу на свободу после длительного содержания в клетке. Попробуем ответить на них.

Может ли ловля влиять на численность вида в природе. Чтобы ответить на этот вопрос, надо узнать тот процент особей, который потенциально может изыматься птицеловами из природы. Произведем с этой целью несложные расчеты. Для примера возьмем чижа — самый массовый объект ловли того времени, когда этих птиц принимали для продажи в зоомагазин. Так, в начале семидесятых годов в каждый осенний сезон все птицеловы Ленинграда по примерным подсчетам ловили около двух тысяч чижей в непосредственных окрестностях города. В те же годы в большие ловушки, установленные орнитологами в 200 километрах к северо-востоку, за сезон попадалось приблизительно такое же количество особей этого вида. Окольцованные здесь чижи продолжали свой полет и оказывались в окрестностях города. На тысячу окольцованных птиц от ленинградских птицеловов орнитологи получали в среднем менее одного кольца за сезон. Если считать, что поимка окольцованного чижа столь же вероятна, как и поимка любого другого, то отлавливаемые чижи составляли не более 0,1 процента от числа пролетевших здесь птиц. Много ли это?

Для сравнения можно вспомнить, что наши самые многочисленные и широкораспространенные хищники: мохноногий сыч или перепелятник — на своих гнездовых участках изымают до 2—5 процентов особей тех видов, на которых охотятся. Весенние возвраты холодов со снегопадами и обледенением, которые наблюдаются почти ежегодно, могут загубить до 60—70 процентов обитающих в данной местности особей. Наконец, вспомним, что в охотничьих хозяйствах допустимые нормы отстрела дичи достигают 20—30 процентов. Таким образом, процент вылова даже чижа, наиболее часто отлавливаемого вида, столь ничтожен, что практически не может оказать сколько-нибудь заметного влияния на его численность.

Следует учитывать и то, что достаточно массовый отлов птиц некоторых видов, такой, как в пригородах Ленинграда или другого крупного города, где еще сохранились традиции птичьей ловли, проводится на ничтожной части территории нашей страны, в то время как на подавляющем пространстве их ареалов ловля не ведется. Масштабы ловли, которые существуют в окрестностях Москвы, Ленинграда, Казани и некоторых других крупных городов, в значительной степени обусловлены наличием зоомагазинов, птичьих рынков, деятельностью зоокомбинатов, то есть в этих местах ловля стимулируется материальной заинтересованностью заготовителей. Если отлов здесь составляет, как мы уже показали, мизерную долю от числа обитающих на воле

особей, то вопрос о вреде ловли в малонаселенных районах снимается сам собой. Ловля здесь, если она и существует, может вестись ради удовлетворения только эстетических и духовных потребностей очень ограниченного круга людей. Следовательно, из всех пойманных ими птиц будут отобраны единичные, чем-то привлекательные экземпляры, а остальные выпущены на волю.

Итак, любительская ловля в настоящее время не может повлиять на общую численность обычных видов. Благополучие вида, а следовательно, и его численность прежде всего определяются наличием пригодных для жизни стаций обитания, отсутствием фактора беспокойства, кормовыми условиями на местах размножения, путях пролета и в районах зимовок, а стало быть, в существенной степени зависят от хозяйственной деятельности человека в целом.

Однако возникает и другой вопрос: а не может ли достаточно интенсивный вылов повлиять на численность вида в какой-то точке ареала и подорвать численность местного населения в ней? Чтобы ответить на него, надо учитывать некоторые закономерности территориального поведения птиц.

Среди видов с высокой численностью есть такие, которые ведут истинно оседлый образ жизни. Чрезмерный вылов этих птиц в каком-то месте может вызвать временное или постоянное исчезновение их локального поселения. Например, вылов пухляков зимой на прикормке, как правило, приводит к полному исчезновению этого вида на примыкающих территориях в гнездовое время в очередном сезоне. Дело в том, что молодые особи оседлых во взрослом состоянии птиц занимают места постоянного жительства в первую осень после рождения. Поэтому место отловленных пухляков может быть занято только молодыми особями на следующий год, теми, которые будут расселяться по территории во второй половине лета и осенью. Так же ведут себя хохлатые синицы, поползни, болотные гаички. Понимая, какую важную роль играют эти птицы в жизни наших лесов, нельзя допустить их исчезновения даже на короткий срок. Следовательно, вылов оседлых птиц не допустим.

Однако настоящих оседлых птиц немного. Кроме названных к ним относятся некоторые виды дятлов (например, желна), серые куропатки. На последних может особенно сказываться сильный пресс лова. Они ведут сугубо оседлый образ жизни: каждая особь остается на месте рождения всю свою жизнь. В условиях лесной зоны, где вид представлен изолированными поселениями в один-два десятка особей, вылов серых куропаток может привести к полному их исчезновению, а потому должен быть запрещен.

Подавляющее же большинство птиц ведет себя очень подвижно. Одни из них совершают ежегодные сезонные миграции, другие, до недавнего времени ошибочно относимые к оседлым, в течение года много раз изменяют место своего жительства: в поисках корма зимой, пригодного для гнездования участка весной, поиска стаи осенью. Попробуйте понаблюдать за нашей самой обычной «оседлой» синицей. Сколько этих птиц вокруг дома осенью, летом, зимой! Ведь появле-

ние или исчезновение, как правило, и есть результат их передвижений. Исследования, проведенные на прикормках, показали, что на протяжении всего года около них появляются все новые особи, и, пожалуй, только зимой, в декабре-январе, наблюдается относительное постоянство состава. Да и то ненадолго. Если место жительства для этих синиц привлекательно, уже с февраля на нем появятся новые особи. И сходным образом ведут себя многие из наших, так называемых оседлых видов.

Перелетные или кочующие птицы еще более подвижны. Их подвижность приводит к многократному обновлению состава поселения в любой точке ареала, а потому в периоды миграций на месте отловленных сразу же появляются новые. Очень показательна в этом отношении история с соловьем. Как-то нам надо было поймать весной соловья с хорошей песней. «Такой соловей» издавна селился в одном из известных нам мест — в кустах, выросших вокруг воронки, образовавшейся во время войны от разрыва фугасной бомбы. Как и всегда, весной прилетели соловьи. Наш соловей тоже запел на своем кусте у воронки. Поставили паутинную сеть, и через десять минут птица была поймана. Ее отвезли домой. Но на следующее утро соловей опять пел в том же кусту. Это удивило нас, и мы поймали и эту птицу. На другой день утром новый соловей опять пел в том же месте. Шесть птиц за семь дней было поймано у воронки, а седьмую и ловить не стали, оставили петь на традиционном кусте.

Этот случай наглядно подтверждает истину: «свято место не бывает пусто», то есть привлекательный участок обитания, освободившийся во время пролета, всегда будет быстро занят другими особями того же вида. Но ведь именно в период миграции отлавливают птиц для содержания дома.

Итак, любительская ловля, регламентируемая определенными правилами, не может сократить запасы достаточно многочисленных и широко распространенных видов. В то же время следует еще раз напомнить, что совершенно недопустимо ловить птиц, имеющих малую численность или сокращающихся в числе на всем ареале. Часть таких видов уже занесена в Красные книги. Остальные ждут помощи от человека. И важно, чтобы она была оказана своевременно.

Сколько птиц выживает в неволе. Большинство отловленных для содержания в неволе птиц уже не возвращается к прежней жизни. Опросы любителей, проведенные нами, изучение судьбы птиц в юннатских кружках, анализ истории жизни особей, содержащихся в лабораторных условиях, свидетельствуют о том, что благополучно возвращается и живет в природе не более 10—20 процентов отловленных особей. Какова же судьба тех птиц, которые попали в руки птицелова? Определенная часть из них гибнет либо в процессе ловли, либо во время приучения к условиям неволи. В процессе ловли некоторые птицы попадают под проволоку лучка, дверцу бойка, под удар веревкой тайника, а некоторые погибают, оставаясь на длительный срок в паутинных сетях или в лучке. Нередко на таких птиц нападают хищники и закалывают их когтями или умерщвляют клювом. Наконец, на-

ходящаяся долгое время в ловушке птица может сама разбиться или покалечить крылья, сломать ноги. Подобные случаи гибели происходят по вине птицелова, оставившего ловчие снасти без присмотра. Поэтому их можно и нужно свести к минимуму путем постоянного наблюдения за орудиями лова.

Иногда птицы гибнут от внутренних кровоизлияний и кровотечений, появляющихся во время поимки и когда их берут в руки. Особенно страшны и относительно нередки кровотечения в дыхательной системе. Чаще всего они могут возникать у вьюрковых (снегирей, зяблика, щура, клестов) и синиц. Чтобы избежать их, надо брать птиц как можно осторожнее. При появлении крови в клюве и хриплом дыхании птицу следует немедленно выпустить из рук, поместив в клетку или просто на землю, и дать посидеть так спокойно часок-другой. В этом случае особи, как правило, на некоторое время теряют способность летать, но потом выздоравливают.

Анализ большого материала показывает, что в процессе ловли гибнет от 2 до 10 процентов птиц из числа отловленных. Этот процент несколько выше у начинающих птицеловов, а также в периоды пролета хищников и зимой во время холодной погоды.

Определенный процент птиц погибает при приучении к условиям неволи. Чаще всего причиной гибели становится неумелый перевод на новые виды корма, в результате чего птица умирает от голода. Другой достаточно распространенной причиной смерти бывают травмы при попытках птицы вылезти из клетки. Значительно реже пойманные птицы гибнут, застревая шеей между прутьями клетки, или тонут в глубоких купальнях. В сумме в период приучения к жизни в клетке гибнет до 20 процентов от числа отловленных особей. Таким образом, привыкают жить в клетках около 75 процентов пойманных для содержания в неволе птиц.

Как правило, птицы, приученные к неволе, живут более долгую жизнь, чем особи того же вида на воле. У многих любителей можно встретить в клетке чижа или щегла, дожившего до 5—6 лет, в то время как в природе найти такую птицу очень трудно. Но и это не предел. Клесты, снегири, щуры относительно часто доживают до 8—10 лет. Разные хищники, совы, вороны, сороки в зоопарках, юннатских кружках и у любителей при хорошем уходе доживают до 15—20 лет, то есть в среднем живут в 5—10 раз больше, чем в природе. Средняя продолжительность жизни хищных и зерноядных птиц в неволе оказывается в 4—5 раз больше, чем на воле.

Насекомоядные птицы в клетках обычно не доживают до столь преклонного возраста. Большинство из них — птицы перелетные, и их организм требует закономерной смены условий внешней среды в течение года. Однако при комнатном содержании такие режимы создать очень трудно. Именно поэтому у славок, мухоловок, камышевок, пеночек в зимнее время почти всегда начинаются болезни, связанные с расстройством гормонального баланса. Они обостряются во время линьки, когда требуется максимальная мобилизация сил организма на создание большой массы растущего пера. В результате птицы часто

не справляются с поддержанием необходимого уровня обмена веществ и редко проживают больше 2—3 лет. Лучше других насекомоядных птиц, имеющих зимнюю линьку, живут в неволе трясогузки, коньки; хорошо справляются с зимней линькой разные виды овсянок. Нам известны особи этих птиц, достигшие в неволе 9—12-летнего возраста.

Как выпустить птицу на свободу. Многие считают, что, подержав птицу в неволе некоторое время, ее уже нельзя выпускать на волю — в природе она все равно погибнет. Действительно, птицы, привыкшие к жизни в маленькой клетке, обломавшие перья на крыльях или хвосте, птицы, получавшие на корм давленые семечки или куриное яйцо, при выпуске, да еще в городе, неминуемо погибнут. Но выпуск любой птицы, если только у нее не сломаны крылья или ноги, можно подготовить. Наш многолетний опыт показывает, что подготовленные к выпуску птицы быстро восстанавливают стереотип поведения вольной особи и вполне способны вернуться к самостоятельной жизни в природе. Многие из них, будучи окольцованными, дают возвраты колец не только из места выпуска, но и с мест зимовок, то есть оказываются в состоянии совершать сезонные миграции.

Для того чтобы выпустить птицу на волю и быть уверенным, что она смогла успешно вернуться к жизни в природе, необходимо убедиться в том, что она может нормально летать, находить корм и кормиться хотя бы одним легко доступным и наиболее массовым видом пищи, что ее физиологическое состояние соответствует сезону года.

При содержании в просторной вольере или садках способность птиц летать, как правило, сохраняется. Однако и в таком случае за несколько дней до выпуска целесообразно предоставить птице возможность полетать по комнате.

В том случае, если птица жила в маленькой клетке, это становится просто необходимым условием ее выпуска. Птице следует в течение 10—15 дней позволить полетать по комнате или ее надо поместить в большую вольеру, и только после того как она научится свободно летать, совершая виражи и пируэты в воздухе, можно решиться выпустить ее на волю.

Однако научаются летать после жизни в маленькой клетке далеко не все особи. Обычной причиной утраты способности к полету служит обламывание маховых перьев, образующих вершину крыла. Для того чтобы птица заменила обломанные перья новыми, за три недели перед выпуском их следует выдернуть. Тогда на их месте вырастет новое оперение. При этом птицу во время роста перьев необходимо поместить в более просторное помещение с правильно расположенными жердочками и хорошо кормить. Для отрастания махового пера у птицы размером с воробья требуется 20—25 дней. Так же следует поступить и при обламывании рулевых перьев.

Приучать к корму, который в данное время года имеется в природе, надо не позднее, чем за 7—10 дней. При выпуске весной, в начале мая, снегирей, чижей, чечеток, щеглов, зеленушек наиболее доступным видом пищи для них будут соплодия разных ив, цветы одуван-

чика, высыпавшиеся семена сосны и ели. В зависимости от того, в каком месте вы намерены выпустить птицу, научите ее использовать тот или иной вид корма, принося домой букеты одуванчиков, веники ив или семена из раскрытых шишек ели, сосны. В июне лучшим кормом для этих же птиц будут семена одуванчика или пастушьей сумки. К осени поспевает уже много видов сорняков и ими можно научить кормиться птицу перед выпуском.

Клестов перед выпуском надо не только научить питаться семенами из шишек, но и потренировать в срывании их с веток ели или сосны. Для этого за несколько дней еловые шишки следует давать птицам в букетах с еловыми лапами. Свиристелей, снегирей, щуров осенью надо потренировать в добывании ягод рябины.

Большинство насекомоядных птиц легко восстанавливает способность схватывать движущихся насекомых. Но перед выпуском их следует научить (если они этого не умеют) поедать движущихся мучных червей внутри клетки. Этих птиц можно выпускать только в летнее время (июнь-июль), когда в природе имеется достаточно пищи.

Хищные птицы и совы, жившие долго в неволе, почти никогда не могут восстановить быстроту реакций, необходимую для отлова своих жертв. Даже после относительно непродолжительного пребывания дома выпускать их не следует.

Врановые птицы (сорока, сойка, ворона, грач) за время содержания в неволе очень сильно привыкают к людям и теряют осторожность. Поэтому перед выпуском этих птиц надо постепенно приучать к самостоятельной жизни и восстанавливать у них навыки самосохранения и добывания корма. Лучше всего это, конечно, делать летом где-нибудь за городом. Клетку вместе с птицей следует поместить во дворе, за окном или в саду и в таком виде продержать своих питомцев не менее недели. За это время птицы привыкают к окружающей их обстановке и запоминают место положения своей клетки. Затем клетку открывают, предоставляют возможность им вылетать на свободу и возвращаться «домой» за кормом. Как правило, они так и поступают, постепенно привыкая к жизни на воле.

Птицам, содержащимся в вольерах на открытом воздухе, предоставить возможность вернуться к вольной жизни наиболее просто. Для этого достаточно открыть вольеру и около нее продолжать ставить корм. Выпущенные птицы, привыкшие кормиться в вольере, будут летать за кормом до тех пор, пока у них не восстановится способность добывать себе пищу в достаточном количестве.

Выпуская птицу на волю, всегда испытываешь чувство удовлетворения. С другой стороны, всегда бывает боязно, что она погибнет, не испытав вновь всех радостей свободной жизни. Поэтому особенно приятно бывает узнать, что выпущенная на волю птица смогла прожить после комнатной жизни еще и долгую вольную жизнь.

Предоставляя птицам свободу, мы всегда их кольцуем. Многих из них мы встречаем после этого в природе. Чаще всего сталкиваемся с теми особями, которые остались жить на месте, где их выпустили. Некоторые из них здесь же гнездятся и прилетают сюда же на сле-

дующий год. Нередко удается получить возвраты колец и из других мест. Так, несколько зеленушек, у которых более года изучали линьку, будучи выпущены весной, через год дали возвраты колец из Эстонии. Клест-еловик, выпущенный осенью под Ленинградом, через год был отловлен в Польше.

Но, пожалуй, самая интересная из известных нам судеб выпущенных птиц была у снегиря. Этого снегиря поймали осенью 1963 года под Ленинградом. У него был сильно деформирован клюв — не хватало правой половины нижней челюсти. Судя по всему, эту половину клюва ему оторвал какой-то хищник, но птице удалось вырваться из его когтей, получив травму. Кроме больного клюва на теле снегиря было много ран, но они тоже начинали зарубцовываться. Когда поймали такую птицу, было совершенно непонятно, как снегирь мог существовать в природе. Предложенные семена он с жадностью хватал клювом, но они большей частью высыпались у него изо рта. Потом оказалось, что птица может кое-как обрабатывать и заглатывать ягоды рябины. По-видимому, в год урожая этих ягод, получив травму, снегирь просуществовал неделю-другую на таком корме. Но дни его были сочтены, птица не могла наесться досыта и худела. Она была сильно истощена, и киль выступал над мускулатурой груди, как лезвие ножа. Из жалости пришлось оставить ее в неволе. Снегирь довольно быстро научился захватывать и заглатывать с помощью языка мягкий корм — куриное яйцо с морковью — и давленые семечки. Через неделю он уже вполне поправился и отлично чувствовал себя в вольере. К весне он, очень ловко орудуя своим полуклювом и ороговевшим языком, научился питаться разными кормами, в том числе и почками деревьев. Поэтому в мае его попробовали выпустить из вольеры и посмотреть, сможет ли он существовать на свободе. Рядом с вольерой росла огромная черемуха, и выпущенный снегирь сразу же начал с удовольствием объедать цветы и бутоны с этого дерева. Через неделю он уже привлек к себе стайку из четырех-пяти вольных снегирей, и они вместе кормились в саду цветами черемухи, яблони и вишни. Птица пела, отлично себя чувствовала и даже токовала перед самками.

Привыкнув к жизни среди людей, снегирь сохранил доверчивость и на свободе, но, кроме того, он приобрел и агрессивность. Стоило подойти к черемухе, на которой кормилась птица, или попытаться сорвать цветущую ветку, как снегирь тут же садился на нее, раскрывал свой покалеченный клюв, шипел, клевался и защищал «свое» дерево.

В конце мая наш снегирь нашел себе подругу и птицы начали строить гнездо. Самым удивительным оказалось то, что для строительства они выбрали пустоту в карнизе дома, то есть такое место, где могут гнездиться, скажем, серые мухоловки, но никак уж не снегири! По-видимому, доверчивое поведение самца как-то повлияло на самку, и она тоже поверила в человеческую добродетель. После появления самки и гнезда наш снегирь превратился в очень агрессивное существо. Он нападал на всех людей в радиусе 10—15 метров от гнезда и старался отогнать их подальше. Но особенно он оберегал цветы на всех клумбах приусадебного участка. После того как черемухи

и яблони отцвели, тычинки и пестики садовых цветов стали его основным кормом, и он их начал оберегать от людей. При попытках нарвать букет или просто подойти к любой клумбе снегирь тут же нападал на человека и стремился ущипнуть его за пальцы. Если же букет все-таки собирали, он слетал на него и пытался завладеть им. Дрался он самоотверженно. С размаху налетал на руки, кусал ногти, садился на голову и бил в затылок клювом и крыльями. Стоило выпустить букет из рук, он тут же устремлялся к нему и начинал объедать с него тычинки.

Этот снегирь продержался в саду до конца июля, благополучно вырастил выводок, принимал участие в кормлении птенцов и исчез вместе с самкой и своими детьми. Мы очень беспокоились о его судьбе и, откровенно говоря, считали, что он погиб в лапах кошки. Каково же было удивление и наша радость, когда этот снегирь в конце апреля следующего года опять появился в саду. Он, как и прежде, начал летать на кормушку и в крону черемухи, очень ловко шелушил и заглатывал корм, но доверчивость и агрессивность его исчезли. Прожил он в саду до конца мая, нашел новую самку, но не смог заставить ее гнездиться здесь и улетел куда-то с нею строить гнездо. Таким образом, эта птичка, даже будучи калекой, по меньшей мере смогла более года прожить на свободе после выпуска.